

# Тайна дома Морелли

**Автор:**

Маленка Рамос

Тайна дома Морелли

Маленка Рамос

Young Adult. Мистика и триллеры

Пенни умерла в три часа ночи. В этот момент старые часы в гостиной дома сестер Морелли остановились. Тьма сгустилась, и миссис Оуэнс услышала, как кто-то постучал в ее дверь.

В то время шериф внимательно наблюдал за старой лесопилкой Брайдел-Вейл и видел свет в одном из разбитых стекол.

Неподалеку от него, в недавно снятом коттедже, писатель Джим Аллен спал спокойно, как и все остальные. Вот почему он не видел высокую темную фигуру, которая прошла очень близко к его окну.

Что-то изменилось той ночью в городе Пойнт-Спирит. Что-то, что может помешать спокойному течению их жизни, хотя они об этом еще не знают.

Маленка Рамос

Тайна дома Морелли

Malenka Ramos

EL QUE SUSURRA

© Беленькая Н., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

\* \* \*

Тот, кто не ведает пролитой крови, кто не смешивает ненависть и любовь и возводит храмы радости...

Викториано Кремер

Часть первая. «Привет»

1

Было три часа утра, когда высокие напольные часы в коридоре остановились. В три часа утра маленькая Пенни умирала. Мать в платье из темной тафты и с жемчужным ожерельем на шее вошла в комнату, упала на кровать, ударила кулаком по матрасу и зарыдала. Затем сложила руки на груди и взмолилась Богу, чтобы забрал поскорее и ее тоже.

Элизабет видела, как тетушки пронеслись по коридору и захлопнули дверь в комнату умершей сестры. Слышала отчаянные крики и безутешные рыдания матери, проклинавшей безжалостный рок и всю свою жизнь. Элизабет была не в силах даже пошевелиться. Вцепилась в ночную рубашку, сжала пальцами тонкую хлопковую ткань и уставилась на свои босые ступни, стоявшие на деревянном полу. Пенни больше нет. В три часа утра ее бедная хилая сестренка перестала бороться за жизнь. Позади месяц адского жара, бреда и ночных

кошмаров, когда проклятая зараза пожирала ее изнутри, лучшие врачи города тщетно пытались подобрать лекарство, а мать, вне себя от горя, ежедневно ходила в церковь помолиться, чтобы Бог услышал ее и сжалился над несчастной маленькой жизнью, которая могла оборваться в любой момент.

Но Бог не помог сестре той ночью. Не помогал и матери, когда Карлота и Амелия, тетушки Элизабет, оттаскивали ее от кровати, а она, хватаясь за изножье, в отчаянии кричала, что хочет еще немного побыть со своей девочкой. Человек из похоронной конторы явился через полчаса. Тетушки попытались запереть Элизабет в комнате, но она успела увидеть безжизненное тело Пенни на кровати и потерявшую разум мать, которая металась по коридору, цепляясь руками за перила, желая одного: остаться и не покидать свою маленькую мертвую дочь.

Элизабет знала, что сестра умрет. Возможно, она лучше матери была готова к тому, что в конце концов случилось. Но самое страшное было не это. По-настоящему страшно ей стало, когда она увидела мать. Мать, которая всю жизнь была образцом сдержанности и безукоризненных манер, чей ровный голос неизменно успокаивал Элизабет, когда она спрашивала: «Ну что, Пенни лучше?» – а мать отвечала, что Пенни, конечно же, лучше, что ей будет все лучше и лучше и повода для беспокойства нет, девочка обязательно поправится. Сейчас же мать была на грани безумия: цепляясь за перила, она царапала ногтями черешневое дерево, и впервые в жизни Элизабет увидела, как мать рыдает. Это напугало ее так сильно, что у нее сдавило сердце и стало трудно дышать. Ее мать, это воплощенное достоинство, превратилась в клубок спутанных черных локонов, рассыпанных по лицу. Тетушка Карлота потянула мать за руку, и рукав разорвался.

– Он знал! – повторяла она, рыдая. – Знал с того дня, как девочка родилась! Карлота, ты его тоже видела! Ты видела его так же, как и я, – в тот день, возле кровати!

Элизабет понятия не имела, что имеет в виду мать. Одна из тетушек увела ее в комнату. Как раз в этот миг лопнули материны бусы: жемчужины рассыпались по полу, запрыгали по ступеням, закатились во все углы нижнего этажа. Эти бусы были для матери настоящим сокровищем, однако она и не заметила, что они разлетелись по всему дому. Элизабет машинально наблюдала, как суетится тетушка Амелия, загоняя ее в комнату. Наконец дверь за ними захлопнулась так резко, что воздух дрогнул, а сама Элизабет покачнулась, будто вот-вот потеряет

сознание.

– О, Элизабет, бедная девочка, – причитала Амелия. Она опустилась на кровать, потянула Элизабет за руку и усадила рядом с собой. – Ужасно, ужасно! – приговаривала она.

Перед глазами Элизабет все еще стояла мать, и жемчужины скакали по ступенькам.

– Нужно собрать жемчуг, – пробормотала она. – Это мамины любимые бусы. Папин подарок.

– Твоя сестра, – воскликнула тетушка. – Пенни! Ах, боже мой, за что? Ей было всего двенадцать! Двенадцать лет!

Эта ночь длилась целую вечность. Амелия сидела возле Элизабет, пока та не уснула. Зато она не плакала. Не плакала не потому, что ей не было жалко сестру, и не потому, что ее так сильно поразили ужасающий вид матери в платье с порванным рукавом. А просто потому, что не могла. Не могла – и все. С утра дом наполнился людьми. Родственники и друзья, соседи, едва знакомые Элизабет, подходили к телу сестры, молча смахивали слезу и утешали мать, ошоловелую от таблеток, которые доктор Фостер заставил ее проглотить несколько часов назад. Она едва держалась, сидя у гроба Пенни. Протягивала руку каждому, кто подходил, а затем белым шелковым платочком вытирала слезы. Она говорила с трудом, глаза смотрели куда-то мимо стульев, предназначенных для посетителей. Она не замечала Элизабет, которая, сидя между двумя тетушками, также принимала соболезнования: одни похлопывали ее по щеке, другие произносили слова сочувствия, третьи лишь робко приветствовали.

– Ты сильная девочка, – шептала Карлота. – Ведешь себя как взрослая. Твоя мама все замечает, радость моя.

– Тетя, а бусы?

– Не беспокойся, мы уже все собрали. Пол Кур, ювелир, починит их, как только все закончится.

\* \* \*

Преподобный Роберт, местный пастор, подошел первым. Наклонился и неловко потрепал Элизабет по щеке. На его добродушной физиономии изображались участие и скорбь. Доктор Алан Фостер тоже был там, с матерью и тетушками. Элизабет узнала его издали по черному пальто и цветастому шарфу, который он обычно повязывал, когда холодало. Доктор жил по соседству и, когда стало очевидно, что Пенни больна всерьез и его опыта не хватает, стал утешителем матери, не забывая при этом давать своевременные врачебные советы. Он проверял, как бьется сердце Пенни, измерял давление и температуру, контролировал прием жидкости, чтобы не наступило обезвоживание.

– Как ты, малышка? – спросил Алан, наклонившись к Элизабет. – Не забывай: что бы ни случилось, ты всегда можешь на меня рассчитывать.

– Спасибо, Алан. Я в порядке.

– Вижу, что и преподобный Роберт здесь... – доктор пожал руку пастору и вновь повернулся к Элизабет. – Похоже, собрались все родственники твоего покойного отца и почти все соседи, – добавил он. – Ты должна быть сильной, Элизабет. И помни о том, что я сказал. Обещаешь?

Этот человек больше всех напоминал Элизабет отца. По правде сказать, отца она давно бы уже забыла, если бы не портреты в рамках, красовавшиеся на камине, с которых мать каждое воскресенье заботливо вытирала пыль.

– Обещаю, – растерянно прошептала Элизабет.

– Ты всегда можешь обратиться к нам за помощью, – добавил пастор. – Вдруг тебе станет одиноко и захочется о чем-нибудь поговорить... Все что угодно, Эли.

– Хуже всего было в эти последние дни, – ответила Элизабет дрожащим голосом. Вытерла нос, и глаза ее наполнились слезами. – Мама в ужасном состоянии.

Доктор и пастор понимающие переглянулись. На мгновение Алан коснулся рукой плеча Элизабет.

– Детка, – вмешалась в их разговор Амелия. – Пойди поцелуй маму. Обними ее. Ей тяжело, и ты ей нужна, Элизабет.

Алан поцеловал девочку в лоб, после чего она направилась в другой конец гостиной. Заметив ее приближение, мать подняла глаза, и на лице у нее промелькнула усталая, чуть напряженная улыбка. Элизабет догадывалась, что мать ее жалеет, что, несмотря на крайнее утомление и таблетки, она понимает, что Элизабет – всего лишь подросток, которому тоже сейчас непросто.

– Мамочка, я люблю тебя.

Она крепко прижалась к матери, та обняла ее и крепко поцеловала в щеку. Мокрые от слез губы матери оставили на коже влажный след.

– Ты его видела? – внезапно спросила мать срывающимся шепотом. – Ты его когда-нибудь видела?

Элизабет нахмурилась и отрицательно покачала головой. Мать схватила ее за руку и притянула к себе.

– Скажи честно, очень тебя прошу.

– Мама, я не понимаю...

– Даю слово, ругать не буду, только скажи правду. – Она промокнула платком глаза и крепко схватила девочку за руку. – Ты его видела? Элизабет, это для меня очень важно.

– Ничего не понимаю. О ком ты говоришь?

Мать так плотно сжала губы, что рот превратился в прямую линию, а лицо сделалось напряженным, страдающим. Когда она страдала, ее красота становилась еще заметнее.

– Того, Кто Шепчет... Ты видела его? Скажи!

Элизабет пришло в голову, что мать сошла с ума. Тетушка Амелия заметила, что сестра дергает племянницу за руку, и заподозрила неладное. Соседи и родственники были далеко и не обращали на них внимания; однако Алан и пастор тоже обернулись, услышав слова, слетевшие с уст Мэри Энн от нестерпимой душевной боли.

– Не понимаю, что ты имеешь в виду. Я никого не видела, – Элизабет едва сдерживала рыдания. – Ты просто плохо себя чувствуешь, мама...

– Пообещай, что обязательно все мне расскажешь, – бормотала мать. – Пообещай, что не будешь его слушаться. Это я во всем виновата! – крикнула она; тетушки спохватились и заспешили в их сторону. – Обещай, что не позволишь ему себя обмануть, как это случилось со мной!

– Алан, – взмолилась Карлота: – Мэри Энн, возьми себя в руки!

Амелия нетерпеливо отстранила Карлоту и наклонилась, чтобы поцеловать и обнять Мэри Энн. Та чуть заметно покачивалась, рыдая навзрыд:

– Это мы, это наша вина. Главное, чтобы она его не встречала. Не дай ему забрать и ее тоже, Амелия. Не дай демону ее обмануть. Теперь Элизабет моя единственная дочь. Единственная!

Этого Элизабет не вынесла: она бросилась вверх по лестнице, спряталась у себя в комнате и заперлась изнутри, чтобы ее никто не трогал. Она прилегла и тут же уснула. По всей вероятности, она проспала много часов подряд, потому что, когда проснулась, было темно. Судя по звукам, доносящимся снизу, посетители еще не разошлись. За окном было слышно, как прибывают и уходят люди, посчитавшие своим долгом выразить соболезнования. Машины останавливались у ворот, возле крыльца толпились соседи. Но садовые ивы взирали на эту суету равнодушно. Их ветки едва заметно трепетали – по крайней мере так казалось Элизабет. Это выглядело странно, потому что траурные платья женщин на лужайке у дома развеивал крепкий осенний ветер. Она прикрыла глаза, ей снова хотелось плакать. Качели тихонько покачивались над травой. Элизабет вспомнила, как любила их Пенни.

– Спой, Элизабет! Спой и покачай меня! – звучало в памяти.

– На каменной дороге танцует принцесса. В праздничном платье танцует принцесса. У нее чудесный гребень из мелких жемчужин. На каменной дороге танцует принцесса.

Мир больше не был совершенным, как прежде. Лилии на высоких прямых стеблях, обрамляющие сад, едва виднелись в осенних сумерках. Каждое лето они буйно цвели, горделиво возвышаясь над кустами и африканскими ромашками, позади деревянных качелей и ивы с округлой лиственной кроной. Все изменилось для Элизабет в тот вечер. Куда бы ни устремила она свой взор, воздух сочился печалью.

Да, Пенни умерла. В три часа утра. Когда все только-только начиналось.

## 2

Кэтрин Вудс была, что называется, профессиональной гадалкой с хорошей репутацией. В свои семьдесят два года эта женщина по-прежнему сохраняла ясный ум, и ее небольшой бизнес функционировал более-менее сносно. Не сказать, чтобы она сказочно разбогатела, раскидывая картишки по просьбе обитателей городка, продавая фигурки святых или талисманы на удачу, однако все это позволяло ей жить комфортно, содержать собственный домик, покупать все самое необходимое и даже оплачивать медицинскую страховку, о чем она беспокоилась всю жизнь.

Кэтрин была ирландкой, более пятидесяти лет прожившей в Новом Свете, как имел обыкновение называть эту страну ее дед. Когда-то она изучала философию и филологию, объездила весь мир, но после смерти мужа осела здесь, в Пойнт-Спирите – спокойном, но не самом захудалом городке, где было достаточно магазинов и симпатичных людей, которые уважительно относились к ее ремеслу и даже прибегали к ее помощи.

Всякий раз, когда позволяли опухающие ноги, она отправлялась в церковь помолиться. Ей нравилось расчесывать волосы гребнем, подаренным матерью

еще в детстве. Гребень был инкрустирован перламутром, щетинки были мягкие и не царапали кожу. Представить невозможно более роскошного гребня. По правде сказать, никто больше никогда не преподносил ей таких чудесных подарков. Ее это не слишком расстраивало – так или иначе, теперь Кэтрин уже была старухой; однако она терпеть не могла, когда ее жалели, была независима, решительна, надевала ботинки на шнурках оливкового цвета, лучшее платье и шла себе в церковь маленькими шажками, иногда опираясь на палочку – в том случае, когда из-за плохого кровообращения у нее случались судороги в икрах или она слишком уставала, чтобы вовремя поспеть на двенадцатичасовую службу. Свои белоснежные волосы она порой собирала в высокий кокетливый пучок, а в иные дни они свободно спадали из-под шляпки, подобранной в тон к платью.

То утро выдалось странным, даже тревожным. Время от времени Кэтрин прислушивалась к собственным ощущениям. Несколько раз за ночь она просыпалась в необъяснимой тоске, сердце учащенно билось, и холодный пот покрывал каждый сантиметр тела. Быть может, виной тому был кошмарный сон, который она силилась, но никак не могла вспомнить? Ночью, ворочаясь под пуховым одеялом, она несколько раз слышала странный звук, будто бы кто-то наблюдал за ней, притаившись в углу комнаты. Будто бы что-то невидимое замерло, выжидая. Пару раз она собиралась позвонить Лоррейн, однако быстро передумывала, опасаясь ее напугать. Лоррейн работала помощницей в крошечной консультации Кэтрин: записывала время приема, встречала клиентов, упаковывала талисманы и фигурки святых в картонные коробочки. Она отвечала на звонки, оплачивала счета, отправляла заказы по каталогу, а также занималась Интернетом, который Кэтрин считала явлением чересчур современным и сложным, но ее компаньонка неизменно твердила, что за продажами через Интернет будущее. Лоррейн, на двадцать лет моложе хозяйки, была вдовой и получала неплохую пенсию – работа в консультации была для нее чем-то вроде хобби, с которым она, надо заметить, справлялась на отлично.

Все эти случайные мысли крутились в голове у Кэтрин, пока она сидела у себя на деревянной веранде в кресле-качалке, попивая чай, и машинально смотрела на машины, проезжавшие мимо одна за другой. В то утро люди казались ей нервными, и этому было объяснение. Несколько дней назад умерла девочка из семьи Морелли: Кэтрин рассказал про это Томми, помощник шерифа, когда проходил мимо ее дома. Она даже побывала на мессе, которую преподобный Роберт Маркус служил за упокой души малышки, и побывала на собрании, организованном мэром, где собирали пожертвования в пользу семьи сестер Морелли, а вместе с ними – целый урожай цветов и венков. Разумеется, ей то и

дело задавали досужие вопросы: «Кэтрин, ты наверняка что-нибудь знаешь. Ты же ясновидящая»; «Что говорят карты?»; «Как ты думаешь, у нее был шанс выжить? Могло ли произойти чудо?»

Можно подумать, все так просто. Она не любила сочинять сказки, и уж тем более не лечила лейкемию. Она всего лишь раскладывала карты, и те разговаривали с ней, вот и все. Она могла дать кое-какие советы, когда кому-нибудь из соседей требовалась ее маленькая помощь, но терпеть не могла лгать или преувеличивать свою силу. Она не была колдуньей и не обладала даром ясновидения или предсказания. Карты были ее ремеслом...

Сейчас, сидя в одиночестве на сосновой веранде своего дома, она любовалась домиками и изящным церковным шпилем, возвышавшимся позади них. День выдался на удивление холодным: тонкая хлопчатобумажная куртка едва согревала Кэтрин. Она потопала ногами, обутыми в закрытые тапочки, и вернулась в дом. Несколько секунд молча стояла, осматривая гостиную, маленький транзистор на телевизоре, подушки, обвязанные крючком, картины, развешанные по стенам. Наконец домашнее тепло проникло в тело. Она бегло взглянула на камин, на аккуратно сложенные дрова, заготовленные к вечеру. Пахло лавандой. На журнальном столике полукругом стояли портреты в рамках. Была там и прелестная фотография: они с Лоррейн на качелях в саду позади дома. Кэтрин взяла фото со столика и провела кончиком пальца по лицу подруги. Лоррейн носила распущенные волосы, гриву средней длины орехового цвета, которую лихо зачесывала набок. У нее было продолговатое лицо, всегда нарумяненные щеки, губы она красила яркой помадой. Когда Кэтрин видела Лоррейн в последний раз? Обычно они не виделись максимум два дня. Она машинально набрала номер телефона, все еще держа в руках фотографию и испытывая приступ необъяснимой тревоги, настолько острой, что не могла вспомнить, чувствовала ли когда-либо прежде нечто подобное. Номер не отвечал. Может, Лоррейн приболела? Надо одеться и поскорее ее навестить.

Она подошла к крыльцу Лоррейн в двенадцать часов дня. Дом располагался всего в квартале от ее дома, но для Кэтрин преодолеть такое расстояние было все равно что пересечь лес в снежную бурю. В то утро ноги болели сильнее обычного, и даже трость не помогала избавиться от судорог. Она поднялась на три ступеньки, держась за деревянные перила, и несколько раз нажала на звонок. Никто не открывал. Она вспомнила, что обычно Лоррейн прятала ключ под половичком на тот случай, если вдруг потеряет ключи или уедет в Торонто навестить сестру и Кэтрин придет полить цветы. Она подошла к окну, силясь

что-нибудь разглядеть сквозь полупрозрачные занавески. Спальня подружки располагалась почти напротив двери, и она ожидала увидеть свет, который бы указывал на то, что Лоррейн больна и спит. Но света не было. Она с усилием наклонилась, пошарила рукой под половичком и нашла ключ. Вытерла лоб платком и отперла дверь. Сразу же за дверью стояла удушающая жара. Казалось, отопление несколько дней работало в полную силу. Перепад температур был почти сокрушительным.

– Лоррейн, – позвала она, тяжело вваливаясь в гостиную, – ты дома? Я звонила в дверь, но ты не открыла. Это я, Кэтрин, – добавила она.

В следующую секунду любопытство сменил ужас. Она не в силах была отвести глаз от увиденного, а сердце забилося так, что казалось, вот-вот разорвется. Тело Лоррейн висело на одной из потолочных балок, широко открытые глаза вылезли из орбит, голова склонилась набок, а язык вывалился наружу. На ней была ночная рубашка в зеленый цветочек, одна тапка лежала на полу, а другая кое-как держалась на правой ноге.

Старуху охватила паника, но она не могла сдвинуться с места. Сделала шаг назад и ударилась затылком о полку, так что стоящие на ней книги с грохотом посыпались на пол. Она закричала – громко, испуганно, отчаянно:

– Лоррейн, ради всего святого! Лоррейн!

Она задыхалась. Затем поднесла руку ко рту, будто бы желая заглушить собственные вопли и унять страх.

Подошла к висящему телу. Несколько мгновений ей казалось, что ее сейчас хватит инфаркт, что час ее пробил. К горлу подкатывала тошнота, а грудь сдавила такая острая боль, что Кэтрин согнулась пополам.

– Боже, – простонала она. – Боже мой!

Одеревеневшие синеватые ноги Лоррейн уже начали опухать. В правой руке она сжимала открытый тюбик красной губной помады. Что это, зачем? Кэтрин мутило. Она нащупала позади себя кресло и грузно в него опустилась. Это было мучительно, невыносимо. Только бы не отключиться, не потерять сознание. Она обернулась, увидела собственное отражение в зеркале на изящном трюмо и чуть

не умерла от страха.

– Как же это... Бог мой...

Прямо на зеркальной поверхности красовалась надпись цвета свежей крови:

ПРИВЕТ

3

В тот миг, когда шею Лоррейн высвобождали из смертельных объятий телефонного провода, а вокруг Кэтрин Вудс толпились медики, тщетно пытаясь ее успокоить, Джим Аллен сидел на веранде своего дома, попивая пиво и покачиваясь в кресле-качалке. По части работы утро выдалось исключительно плодотворным. Он исписал двадцать страниц и готов был в том же ритме проработать остаток дня. Услышав издалека вой сирены, он задумался. Что это может быть? Последние дни выдались для Пойнт-Спирита не слишком веселыми, и ситуация в целом, а также невольные мысли о том, как переживут три несчастные женщины смерть девочки, угнетали Джима. В этом забытом Богом городке он прожил всего два месяца, но уже чувствовал себя своим. Именно об этом предупреждал его Ларри, литературный агент, когда он только еще задумался об уединении и собирался снять домик: вряд ли у него получится жить вдали от людей и стать отшельником.

– Люди в маленьких городках, Джим, ужасные педанты, – рассуждал Ларри. – Я не имею в виду, что они лезут в чужие дела или всех поголовно осуждают, но пойми, невозможно снять дом в городишке с двумя тысячами жителей и ни с кем из них не познакомиться, не сблизиться, ну, ты меня понимаешь. Сходи в бар, потусуйся с людьми, будь приветлив с ними.

– Какого черта, Ларри? Я собираюсь писать роман, а не тусоваться.

Ларри закатил глаза.

– Я все понимаю, но это тебе не чертова столица. Ищешь спокойствия? Перемен? Отлично. Но не вздумай прятаться от людей, как какой-нибудь столичный пижон. Ты им сразу не понравишься, а тебе там жить целых шесть месяцев. Пойми, Джим: ты для них не автор детских книжек, которому приспичило написать роман для взрослых и для этого понадобился покой. Ты – выскочка, который черт знает что о себе вообразил и не желает знаться с деревенщиной. Им только повод дай – и они запросто испортят чужаку жизнь. Уж поверь мне, приятель, я знаю, про что говорю.

Этим он и занялся в первые же недели жизни в Пойнт-Спирите. Сходить в город, пообщаться с соседями. Пусть воспринимают его как простого открытого человека, приятного во всех отношениях. «Рубаху-парня», как говорила его бабушка Маргарет, которая, хоть и славилась склонностью к затворничеству, умела быть симпатягой, и это не стоило ей чрезмерного труда.

– Честно говоря, Джим, я вообще не понимаю, зачем тебе уезжать из Сан-Франциско и селиться в дыре. Мог бы написать свой роман во время рекламного тура с «Приключениями Катрины».

– Ларри, я хочу отдохнуть. Уехать как можно дальше от Сан-Франциско и пожить в тихом местечке, где меня никто не знает.

Некоторое время агент молча смотрел на него округлившимися глазами, затем на его полном, холеном лице изобразилась смиренная гримаса.

– Мы продали больше миллиона экземпляров «Катрины». Если в этой стране есть кто-то, у кого есть дочь, но нет книжки про Катрину, сообщи мне, пожалуйста. Лично вышлю ему всю серию.

Джим неизменно впадал в уныние, когда Ларри заговаривал с ним о работе. Ларри был коренастый и упитанный хищник от литературы, явно имевший высокий шанс заработать инфаркт раньше пятидесяти. Он ревностно следил за Джимом из «оперативного центра» (так он называл собственный кабинет), не слишком доверяя своему автору, хотя и мирился с его чудачествами: другого выхода у него все равно не было.

– «Катрина» никуда не денется, Ларри, – рассеянно пробормотал Джим. – Я же обещал выдавать две-три истории в год. Тебя это не должно волновать. Но

пойми, я не могу посвятить всю свою жизнь приключениям девочки-подростка, как бы ни были высоки продажи. Я должен вернуться к серьезным романам...

– Поступай как знаешь, – перебил его Ларри. – Главное – не становись извращенцем.

Джим расхохотался.

– Смейся, смейся, – ворчал Ларри. – Тебе тридцать семь, а ты не женат. Для девчонок ты – воплощение крутизны. Тем более в деревне. Тип вроде тебя, без жены, которую бы все знали, с внешностью интеллектуала, к тому же пишущий книжки для девочек, имеет все шансы. Старайся быть осторожным.

– Ты издеваешься? – все еще смеясь, Джим направился к двери.

Неужели Ларри и вправду верил в то, о чем говорил?

– Звони каждую неделю! – крикнул агент ему вдогонку, когда он уже направлялся к лифту. – Да, чуть не забыл: «Катрину и заколдованный дом» готовят к переизданию!

«Круто, Ларри. Но мне плевать, честное слово», – чуть было не сказал Джим агенту.

– Замечательно, – воскликнул он, прежде чем двери лифта закрылись перед его носом.

\* \* \*

Первые дни в городе были довольно изнурительны для такого человека, как Джим. Пешком он обычно передвигался лишь в том случае, когда нужно было от кого-то улизнуть. Он обошел весь Пойнт-Спирит и выучил расположение пяти улиц, впадавших в главную артерию города. Одна из них вела к лучшей пивной в здешних местах – «Укулеле»: славному местечку в стороне от бульвара, который в вечернее время наполнялся людьми, достаточно просторному и уютному, чтобы убить часок-другой. В центре города располагалась площадь со сквером, напротив – здание почты, офис шерифа, маленькая библиотека, несколько

магазинов и симпатичная кофейня под названием «Коконут». На улице, расположенной севернее, он обнаружил еще кое-какие заведения: прачечную, две ремесленные лавочки, один или два простеньких ресторана и, наконец, церковь. Последняя удивила Джима. Белое здание с фасадом из кирпича, колокольной и четырьмя колоннами, которые поддерживали и одновременно украшали центральный вход. Джима потрясло это сказочное строение, окруженное газонами и деревьями, а также изгородью высотой около полуметра. Узенькая дорожка, мощенная плиткой, вела к крыльцу. Увидев церковь впервые, он постоял напротив, любуюсь ее архитектурой и стараясь насладиться не только красотой, но и необычным чувством, которое вызвало в нем это место... «В такой церкви Катрина могла бы венчаться», – подумал Джим. «Она подходит тебе, Катрина», – пробормотал он, сделав глоток пива.

Он поставил кружку на столик из тикового дерева и устроился в кресле поудобнее. Было холодно. Он потер руки и застегнул молнию на куртке. Ему пришло в голову, что было бы неплохо нанести визит вежливости этим трем несчастным женщинам, когда похоронная суeta останется позади. С его стороны это было бы благоразумно, и не важно, что он прожил в их краях совсем недолго. Несколько раз он встречал Карлоту Морелли в супермаркете. Своеобразная женщина. Взгляд жесткий и непроницаемый. Гладкие волосы убраны в аккуратный пучок или высокий хвост, такой тугой, что глаза делаются крупнее и выразительнее. Роберт Маркусо, священник, поведал Джиму, что она – старшая из трех сестер, но в свои сорок два года ни разу не была замужем. Видел он и вторую сестру, среднюю. Кажется, ее звали Амелия. Красивая, смуглая, как и мать умершей девочки, она показалась Джиму слишком уж худой, и только волосы у нее были прекрасные – длинные и волнистые. Сестры жили неподалеку от него, через пару улиц, а может, и того меньше. Когда по вечерам он отправлялся на прогулку или шел в «Укулеле» к Лоретте, он иногда видел ее силуэт сквозь занавески второго этажа.

– Хорошие женщины, но судьба у них непростая, – сказал Роберт накануне вечером, сидя за пивом в баре Лоретты. – Виктор, муж Мэри Энн, погиб, когда Пенни было всего несколько месяцев. Он был летчик-трюкач, обожал самолеты. Был отличным мужем и отцом: очень заботился о девочках. Страшное горе.

– Его фамилия не Берри случайно?

– Точно: Отважный Берри, – улыбнулся пастор. – Он часто уезжал, но отсутствовал максимум дня три-четыре. Возвращался с подарками для девочек и

жены. Отличная крепкая семья, очень типичная для Пойнт-Спирита. По воскресеньям ходили в церковь, принимали участие во всех благотворительных акциях, всегда готовы были прийти на помощь... У Берри заклинило двигатель на одном из показов в окрестностях Портленда за день или за два до Четвертого июля[1 - День независимости США.]. Помню, они готовили на праздник целый воздушный спектакль. Я плохо разбираюсь в трюках, но этот парень лучше всех умел закручивать самолет штопором и лететь вниз по спирали. Опасный маневр, но пилоты вроде него справлялись. Хотя мне лично всегда казалось, что самолет, летящий на огромной скорости носом вниз, невозможно контролировать на сто процентов. В итоге он рухнул на лес, вспыхнул пожар, выгорело несколько гектаров деревьев. Страшная трагедия.

– Да, неприятно, – ответил Джим.

Его преосвященство допил пиво и посмотрел на часы.

– Я рад, что вам небезразличны жители нашего города, мистер Аллен. Пойнт-Спирит – славное место. Я здесь родился и прожил всю жизнь.

– Пожалуйста, зови меня Джим.

– Отлично, Джим, – улыбнулся священник. – Кстати, Лоретта мне сказала, что ты пишешь роман. Ты мог бы использовать наш город как место действия для твоих героев.

– Неплохая идея, – отозвался Джим. – Этот город явно влияет на мое воображение. Хотя, честно сказать, мне не приходило в голову использовать его для романа. Я пока ничего не решил. В голове множество идей, но ничего определенного.

Пастор улыбнулся и пожал плечами. В первый миг знакомства Джиму пришло в голову, что этот человек слишком молод для привычного образа пастора, не говоря уже о физической привлекательности и неизменном оживлении, которое пробегало по рядам прихожан, когда он появлялся на воскресной службе.

– Ни о чем не беспокойтесь, господин Аллен, – вручая ключи от дома, сказала Лоретта, хозяйка не только бара, но также и домика, который он снял, – его преподобие непременно зайдет к вам познакомиться. Выпьете с ним по

глоточку, и он расскажет вам про наш город, чтобы вы не чувствовали себя чужаком, – сказала она и улыбнулась, от чего лицо ее просияло, а морщинки ожили. – Вообще-то трудно назвать его пастором в привычном смысле этого слова; с моей точки зрения, он слишком красив и вообще отличный парень. Уверена, вы подружитесь.

Лоретта беседовала с ним, опершись на локти, и ее огромные груди величественно возлежали на барной стойке из каштанового дерева. Она покуривала длинную тонкую сигарету, украдкой косясь на телевизионную панель, висящую на потолке.

– Не ожидал встретить человека моего возраста, избравшего для себя церковное служение. К тому же такого общительного. Обычно представляешь себе куда менее симпатичных парней, живущих более уединенно.

Услышав последнюю фразу, его преподобие расхохотался.

– Я тоже, представь себе, – ответил он. – Вообще-то я протестант и вполне могу иметь семью. Видимо, с годами стану пожилым парнем, не лишенным некоторого шарма, – он улыбнулся.

Джим тоже улыбнулся и допил пиво.

– Вот именно, Роберт. Ты протестант. Еще не все потеряно, – лукаво ответил он. – Честно сказать, я не слишком разбираюсь в религии.

– Это неудивительно. На самом деле никто толком не знает, в чем различия между нами, протестантскими пасторами, баптистами и католическими священниками. С годами мы все больше удаляемся от иллюзорного мира, в который неизбежно превращается религия. В городках, таких как этот, все по-другому. Вы в своих мегаполисах живете в особом измерении.

\* \* \*

Звук подъезжающей к дому машины нарушил его размышления. Джим привстал. В первый момент из-за густой пыли, поднявшейся из-под колес, ему не удалось рассмотреть, кто сидит за рулем синего внедорожника, свернувшего к дому,

когда же автомобиль остановился у крыльца, из него вышел преподобный Роберт. Пастор захлопнул дверцу и зашагал к веранде. На ходу поправил брюки и застегнул пиджак. Его волосы казались еще более светлыми на фоне темной одежды.

– Все в порядке? – крикнул Джим, заметив на лице пастора беспокойство.

Тот поднялся на крыльцо и протянул ему руку.

– Ехал по дороге и увидел тебя на крыльце. Прости, что помешал, но случилось кое-что очень неприятное. В общем... нужно поговорить.

Джим пригласил его в дом. На веранде было слишком холодно. Пастор, смотревший сначала себе под ноги, затем испуганно озиравшийся по сторонам, казался растерянным, даже жалким. Он вошел следом за Джимом и сразу же плюхнулся в первое попавшееся кресло из тех, что стояли в просторной гостиной. Роберт поднял глаза и осмотрелся, хотя вряд ли его слишком заботило то, как Лоретта оформляет дома для постояльцев, или же тот факт, что картины с букетами и натюрморты в золоченых рамах плохо сочетаются с современной обстановкой. Скорее он пытался подобрать нужные слова, чтобы рассказать о чем-то, что его не на шутку встревожило.

– Что-то не так на похоронах девочки? – спросил Джим, начинавший терять терпение.

– Прости... Я в растерянности. Еду из дома Кэтрин Вудс. Должно быть, ты не успел с ней познакомиться. Она, как бы это выразиться... предсказательница. Раскладывает карты и рассказывает, что видит. Сегодня утром Кэтрин обнаружила тело Лоррейн Оуэнс, своей компаньонки: она висела на одной из потолочных балок в гостиной собственного дома. В петле из телефонного провода. – Он умолк, пристально посмотрел на Джима. Тот все еще стоял, сложив на груди руки и глядя на него во все глаза. – Я даже не успел толком попрощаться с теми, кто присутствовал на похоронах Пенни Берри!

– Это случайно не хозяйка лавочки, где продаются волшебные фигурки? – спросил он, вспомнив, что видел ее витрину во время одной из своих вечерних вылазок.

– Точно, мы с тобой проходили мимо. Это она. Кэтрин у нас в городе знают все. Славная она женщина, Джим. А у Лоррейн все вроде бы было в порядке. Не понимаю, как ей могло прийти в голову такое сотворить. Я едва успел перекинуться с Кэтрин парой слов. Бедняге за семьдесят, когда я зашел ее поведать, она была в истерике. Ее чуть было не забрали в больницу, но в конце концов дали какие-то таблетки, и она немного успокоилась, по крайней мере хоть что-то могла сказать. Я боялся, что у нее не выдержит сердце. Пока я у нее сидел, они трижды ее прослушивали. Можешь представить, в каком состоянии бедная старушка.

– Ужасная история, – пробормотал Джим. – А может, у Лоррейн была депрессия, о которой никто не догадывался?

Роберт отрицательно покачал головой. Руки он держал на коленях, крепко сжав кулаки, глаза его казались еще более голубыми и ясными, чем обычно. Джиму померещилось в нем что-то еще, чего он не мог сформулировать.

– И ведь ни с кем про такое не поговоришь, – добавил Роберт. – Какой смысл? Сам-то я толком ничего не видел. Томми Нортон, помощник шерифа, уверяет, что в доме не было ничего подозрительного, однако эта женщина утверждает, что...

– погоди, Роберт, – перебил его Джим. – Я тебя не понимаю. В каком смысле ты ни с кем не можешь поговорить? Чего именно ты сам не видел?

Его преосвященство поднял глаза и уставился на Джима.

– Она так за меня ухватилась, что чуть руку не сломала, Джим. Она была просто вне себя. Якобы, войдя в дом и обнаружив тело, увидела красную помаду в руке Лоррейн. А полчаса назад она мне поклялась, что на зеркале была надпись «Привет» заглавными буквами. С какой стати человек станет писать слово «привет» перед тем, как повеситься?

– Скорее всего, старушке померещилось. В состоянии шока чего только не увидишь.

Джиму пришло в голову, что пастор хочет выговориться, чтобы не выглядеть чокнутым в глазах жителей городка. Он прошелся туда-сюда по выцветшему ковру в бежевых и малиновых завитушках, стараясь осмыслить ситуацию.

– Может, так оно и есть, но я только что был у Кэтрин, и она показалась мне очень странной. Я ее знаю с детства, Джим. Она не умеет лгать. С другой стороны, в чем-то ты прав: может, она действительно так испугалась, что ей померещилось. Она была сама не своя...

– Не стоит сейчас голову ломать, – сказал Джим. – Пройдет несколько дней, поговоришь с ней уже более спокойно, и, может, версия прозвучит уже по-другому. Хочешь кофе? Как раз собирался разжечь камин. Горячий кофе пойдет тебе на пользу.

Роберт согласно кивнул. Джим отправился на кухню, догадываясь, что, пока его нет, пастор наверняка с любопытством рассматривает безобразные кресла, обтянутые потертой кожей, и стол из каштанового дерева, который, как ни странно, худо-бедно сочетался с прочей мебелью. Растапливая камин и заваривая кофе, он объяснял пастору, что дом пришелся ему по душе, что он напоминает традиционную хижину, а сочетание камня и дерева придает ему налет современности, который Джиму нравится, не говоря уже о больших окнах, выходящих на север, и живописной низкой кровле, доходящей почти до первого этажа, так что к ней можно прикоснуться рукой.

– Такие дома строили европейцы в восемнадцатом и девятнадцатом веках, – продолжал Джим, ставя поднос на стол в центре гостиной. – Они распространялись вместе с переселенцами вдоль Аппалачских долин, в Мэриленде, двух Каролинах и Джорджии. Мне они нравятся. Но в таком городе, как Сан-Франциско, вряд ли встретишь нечто подобное.

– На самом деле это всего лишь временные убежища для солдат в период Гражданской войны, – отозвался Роберт. – Наш городок был основан в 1880 году в разгар лесопромышленного бума. Стиль большинства домов, которые ты здесь видишь, напоминает лесопилку Брайдел-Вейл. В прежние времена поселки и городки возникали, как правило, вокруг лесопилок. Пойнт-Спирит не исключение, хотя время и регулярные пожары отодвинули город от леса в сторону юга и изменили облик домов.

Несколько секунд они молчали. В противоположном конце гостиной трещал разгоравшийся в камине огонь. Беспокойство Роберта немного улеглось, и он выглядел более умиротворенным.

– Завтра собираюсь зайти к сестрам Морелли, принести им соболезнования, – сказал Джим. – Раз уж ты здесь, хотелось бы услышать твое мнение. Разумно ли это с моей стороны? Что, если старшая сестра погонит меня вон со шваброй в руках?

Роберт усмехнулся.

– Карлота напугает кого хочешь, но на самом деле она совсем не злая, – мягко возразил он. – Мне кажется, это неплохая идея. Они будут вам рады. К тому же они очень образованные дамы, много читают. Я несколько раз видел их библиотеку в южной части дома. Ты не поверишь: у них потрясающая коллекция оригинальных изданий. Вам обязательно нужно познакомиться, – воскликнул он и снова улыбнулся. – Ох, Джим, наверное, я тебя напугал. Когда меня что-нибудь выбивает из колеи, я становлюсь невыносимым.

– Да ладно тебе. Ты один из немногих в этом городишке, с кем я общаюсь. Мне приятно знать, что ты пришел именно ко мне.

Постепенно напряженное выражение покинуло физиономию пастора. Тепло от камина распространялось по всему дому. Он снял пиджак и аккуратно повесил его на спинку стула, стоявшего ближе к креслу. Теперь на нем была белая рубашка. К удивлению Джима, под тонкой тканью на теле священника явственно различался какой-то рисунок. «Похоже, справа на груди он носит татуировку», – отметил Джим про себя. Не слишком задумываясь об этом новом открытии, он отошел к окну, чтобы не смущать гостя чрезмерным вниманием.

– Спасибо за кофе, – проговорил Роберт, ставя на стол пустую чашку. – Честно сказать, в жизни не сталкивался ни с чем подобным. Люди уверены, что ты сохраняешь спокойствие в самых нелепых ситуациях, они наблюдают за твоим поведением и ждут ответа на вопросы. Но сегодня в присутствии этой старушки я вел себя не слишком решительно.

Перед мысленным взором Джима мигом предстала незнакомая женщина, висящая в петле напротив зеркала и сжимающая в руке красную губную помаду.

– Иногда реакция человека шокирует не меньше, чем само событие, – сказал он. – Подозреваю, что, если бы я увидел приятельницу или просто знакомую в состоянии паники, я бы тоже испугался.

Это замечание подействовало на охваченного сомнениями Роберта. Он поднял глаза на Джима.

– Да, ты прав.

На верхнем этаже располагался уютный кабинет с деревянными половицами и ковром гранатового цвета. Там, на старинном столике, стоящем напротив окна, Джим оставил ноутбук. На мгновение у него возникло навязчивое желание распечатать на принтере двадцать первых страниц нового романа и сжечь их в камине.

Это была случайная мысль, глупая и нелепая, однако она на удивление настойчиво лезла Джиму в голову, пока он рассматривал сад за окном и две голые ивы, которые раскачивал ветер. «Что-то не так», – отчетливо произнес у него в голове незнакомый голос. Непонятная сила завладела сознательной частью его разума, которая все еще функционировала, – нечто, что казалось диким и в то же время неизбежным для такого типа, как Джим.

ПРИВЕТ

Явственно различил он. На миг ему страстно захотелось, чтобы это происходило на самом деле.

4

Алан вышел из дома. Чувствовал он себя так, словно по нему проехался экскаватор. Сел в машину и на миг задумался, глядя на дверь госпожи Оуэнс. Он попытался представить, что пережила Кэтрин: ужас, сомнения, чувство вины. А как она сейчас? Нужно заехать в церковь, поговорить с Робертом. Вернуться к Мэри Энн, провести ее, а главное, девочку: это следовало сделать незамедлительно. Время поджимало, Алан чувствовал себя изможденным, измученным. Он посмотрел на часы. За весь день у него маковой росинки во рту не было, и желудок сводило от голода. «Надо бы перекусить», – подумал он.

Прикрыл глаза и постарался не обращать внимания на голод. Кэтрин Вудс обязательно придет в себя, но уже никогда не будет прежней. Да что там: весь город уже никогда не будет прежним. И сам он прежним уже не будет, даже если ему удастся благополучно пережить все эти беды. Он опустил зеркало и осмотрел свое лицо. Морщинки под глазами и в уголках рта проступали более отчетливо. В темной шевелюре сверкнули седые серебряные волосы. Два или три. А сколько их будет завтра? Сотни? Эти досужие мысли вернули его к неуютной и мрачной реальности. Он кашлянул, завел мотор «Форда» и бросил последний взгляд на дом.

Он приближался к центру Пойнт-Спирита. Мысли же были об одном: какие причины могли подтолкнуть эту достойную во всех отношениях женщину к такому опрометчивому поступку? Алан не видел никаких оправданий, ни единой достаточно веской причины. Среди обитателей города не случалось ни ссор, ни бурных выяснений отношений, ни давних обид, выходивших за рамки обычных бытовых дразг, типичных для обитателей небольших городков... Нет, ничего подобного не приходило ему в голову. Пойнт-Спирит был спокойным местом: светлые, почти белые деревянные домики с двускатными крышами, рождественские огоньки на верандах, сады вокруг домов, отгороженные белой изгородью, неизбежные компоненты традиционной американской мечты... Две церкви, пять кафешек, четыре скромных ресторана, парочка забегаловок... Мысленно он отмечал каждое из этих заведений, по мере того как они проносились мимо стекол его старенького «Форда». Он свернул на Виллидж-стрит, чтобы сделать небольшой крюк и проехать мимо банка, а заодно заправки, принадлежащей Молоски. В их кафешке пекли лучшие во всем округе блинчики с медом, и он решил перекусить, прежде чем звон в ушах и головная боль, постепенно дававшие о себе знать, испортят остаток дня. Ему надлежало производить хорошее впечатление на пациентов, а для этого необходимо позавтракать, посетить туалет и по крайней мере в течение нескольких часов выглядеть человеком дельным, решительным, обладающим нравственной силой в те моменты, когда люди так в ней нуждаются. Он взял картонную папку, лежавшую на заднем сиденье, в ней хранилась вся информация, которую он собрал после первого анализа ситуации, – но тут же положил ее обратно, словно она обожгла ему руку.

Припарковавшись перед кафе, Алан увидел сержанта Томми Нортон: тот управлял служебный автомобиль. Это был бойкий молодой человек со светлыми каштановыми волосами, оливковой кожей и живыми глазами. Пять лет отслужил в армии: год в Ираке, два года в отряде парашютистов, затем в ВВС. В общем, малый что надо, без страхов и сомнений. Даже в таком деле, как это...

– Добрый день, доктор Фостер. Неужто желудок что-то еще принимает?

Алан застегнул пальто на верхнюю пуговицу, улыбнулся и направился к двери в кафе.

– А что делать, Томми? Нужно подкрепиться. Впереди полно работы, не могу же я грохнуться в обморок перед кроватью пациента.

Томми улыбнулся, повесил шланг на крюк и сел в машину.

– Держитесь, доктор. Сегодня собачий денек.

– Вот и я о том же, Томми.

Алан вошел в кафе, даже не взглянув на двоих посетителей, стоявших у стойки. У него было неприятное ощущение, что, как только люди его узнают, они немедленно вытянут шеи и наперебой примутся задавать вопросы, и придется спасаться бегством. Но все вроде бы было спокойно. Мелиса, хозяйка заведения, приветливо кивнула и молча подала кофе, едва он вернулся из уборной и уселся на табурет. Джонс, старый лесоруб, дружески похлопал его по спине и вернулся к своей чашке кофе и булочкам, а какой-то парень сражался с проигрывателем в глубине кафе, стараясь подобрать диск, который понравился бы его девушке, сидевшей через два столика от входа. Тишина показалась Алану неестественной, даже гнетущей, и легче ему стало только тогда, когда Мелиса своим сладким голосом спросила, что он будет заказывать.

– Блинчики, пожалуйста. Я спешу.

– Секундочку, доктор Фостер, – с готовностью отозвалась она. – Холодный сегодня денек. Патрик, закрой же наконец эту проклятую дверь! – крикнула она парню с проигрывателем. Повернулась спиной к стойке, зачерпнула из стеклянной миски белесого теста и принялась капать на раскаленную сковородку белые растекающиеся кругляшки, которые на глазах зарумянились.

– Мне показалось, в городе пустовато, – продолжала Мелиса, переворачивая блинчики на сковородке. – Наверное, из-за холода...

– Хватит болтать, Мелиса, – перебил ее лесоруб. – Не видишь, доктор пришел перекусить. В это время года всегда холодно, ничего особенного тут нет.

– Да ладно тебе, Джонс. Все в порядке... Продолжай, Мелиса.

Та поправила шапочку, защищавшую ее смоляную шевелюру, и машинально коснулась пальцами воротника форменной розовой курточки. В глазах ее мелькнул страх.

– Все будет хорошо, – пробормотал Алан, пододвигая к себе тарелку с блинчиками.

– Эта Лоррейн была не в себе, – юноша поставил нужный диск, уселся напротив девушки и теперь без стеснения рассматривал Алана. Тот тоже покосился на юношу. – Да, доктор. Лоррейн последнее время вела себя странно. Она живет неподалеку от меня, и было заметно, что она чего-то боится. Что-то здорово ее напугало, понимаете?

Старый лесоруб презрительно фыркнул, затем попросил Мелису подлить кофе.

– Слышь, Патрик...

– Не перебивай его, Джонс. Все мы – жители одного города, соседи. Нас не так много, и мы более-менее знаем друг друга. Продолжай, Патрик.

Просьба доктора удивила Патрика. Он выпрямился и несколько секунд смотрел в окно. Смуглая девица-тинейджер, сидевшая напротив него, невозмутимо жевала блинчики, не глядя по сторонам.

– Мать говорит, что в последние дни миссис Оуэнс вела себя как чокнутая, – продолжал Патрик. – Почти не смыкала глаз. В этом месяце мать работает на складах Форджес в ночную смену и видела ее около двух дней назад. Как-то за обедом она нам рассказала, что ночью та выглядывала на улицу из-за занавесок, будто бы пряталась от кого-то, и вид у нее был безумный. Странно, нет? С какой стати человек в своем уме будет сидеть всю ночь за занавеской? Она что, ждала зомби-апокалипсиса?

– Парень прав, – подытожил лесоруб. – Я тоже встретил ее случайно накануне вечером. Проходил мимо и поднял руку, чтобы ей помахать. Она была бледная, как смерть. И глаза прямо бешеные, чуть на лоб не вылезали. В ответ даже не кивнула. Спряталась за занавеску и исчезла. Не думаю, что эта Оуэнс спятила, никто не сходит с ума за два дня, но вела она себя странно.

Алан хмурился, безуспешно пытаясь осознать то, что говорят Патрик и лесоруб, но не успел он и рта в ответ раскрыть, как девушка, сидевшая напротив, подняла голову и робко произнесла:

– Одного не могу понять: как такая женщина, как Лоррейн, симпатичная, всегда со всеми приветливая, так изменилась за одну ночь. Будто привидение увидела, честное слово. Как в ужастике: жертва прячется за дверью, поджидая, что с ней вот-вот расправятся, а ты не можешь понять, почему она не убегает и не зовет на помощь.

Мелиса, которая, не выпуская из рук кофейника, прислушивалась к разговору, обернулась.

– Да ладно вам, – проворчала она. – Несчастливая женщина просто-напросто впала в депрессию, а никто и не догадывался. Одиночество – нехороший звоночек. Скорее всего, она с ним не справлялась. А может, все еще горевала по мужу: тот умер много лет назад, а она, бедняжка, так и не пережила его смерть.

– Никто не меняется за одну ночь, – упрямо бубнил лесоруб.

Алан заплатил за завтрак и поднялся с табурета.

– Мне пора идти. В любом случае сейчас нам пригодятся любые сведения. У Лоррейн, насколько мне известно, семьи не было, а единственный человек, с которым она была в дружеских отношениях, не в том состоянии, чтобы давать показания.

– Лично мне никогда не нравилось ни это ее ремесло, ни магазинчик со странными куклами, – презрительно заявила Мелиса. – Вроде бы продают фигурки святых, а на самом деле впаривают людям под видом амулетов всякую дребедень. Чтобы скрасить их унылое существование. Меня это пугает. Никто не знает точно, как все это действует. Люди сами себя сводят с ума.

Алан покачал головой. Мелиса опустила глаза, но в следующий миг улыбнулась с детской непосредственностью.

– Давайте не будем распространять слухи, – заключила она, – городок у нас маленький. У этой женщины были проблемы, о которых мы не знали, и в итоге она приняла ошибочное решение. К тому же в такой неудачный момент. Сперва девочка, теперь она... Это большое несчастье, но не стоит распускать всякие сплетни, очень вас прошу.

Патрик улыбнулся, но в следующий миг снова сделался серьезным.

– Не беспокойтесь, доктор Фостер, – произнес он. – Удачи вам.

Простившись со всеми, Алан вышел в сентябрьский холод, который в этом году выдался на удивление ранним. Он замотал шею своим пестрым шарфом и направился к машине. Было уже почти пять часов пополудни, когда он подъехал к дому. Поставил машину в гараж и, скрипнув калиткой, перебрался на лужайку соседок, отгороженную от его участка изгородью. В ту осень, несмотря на низкую температуру, сад выглядел превосходно. Ледяной холод будто бы и не коснулся чудесных вьюнков, величественных ив, нежных африканских маргариток.

«Зима в сентябре, – подумал Алан. – Бред какой-то».

Он позвонил. Дверь открыла Амелия Морелли. Лицо Амелии было угрюмым и печальным, однако стоило ей увидеть доктора, как выражение его переменилось. Ее волосы были убраны в пучок, напоминающий гладкий каштан, прикрепленный на затылке и обрамленный парочкой выбившихся локонов. На Амелии было платье оливкового цвета, прикрывающее колени. Короткий вязаный кардиган, брошенный на сутулые от горя плечи. Алан чмокнул ее в щеку, она едва заметно улыбнулась и пригласила его в дом.

– Рада тебя видеть. Мы провели ужасную ночь, – проговорила она в прихожей. – Снимай пальто и шарф. Мы включили отопление. Просто не верится, что в разгар сентября стоит такой холод. Сейчас принесу чай.

Вспомнив, каким измученным и опустошенным было лицо Мэри Энн в день похорон, как безутешно она рыдала, как покраснели худые щеки, он вновь ощутил тоску и жалость.

– Где девочка? – спросил он, усевшись за стол в гостиной.

– Отдыхает. Можешь навестить ее после чая, – коротко ответила Амелия. – У тебя замерзли руки, и я знаю, что случилось с Оуэнс. Ужасный день. Выпей-ка сперва это.

Алан невесело улыбнулся.

– Ты напоминаешь мне мать, Амелия. Придется тебя послушаться. Как чувствует себя Мэри Энн?

– Не очень, – продолжала Амелия, и звучание ее бесцветного голоса не изменилось. Она уселась за стол перед Аланом и разлила чай по двум фарфоровым чашкам с золотым ободком по краям. – Почти не спала. Карлоте пришлось дать ей успокоительное, которое ты нам оставил, но она все равно рыдала и несла какую-то околесицу. Как бы она не сошла с ума, Алан. Боюсь, второго удара она не вынесет.

– Я сделаю все возможное, чтобы этого избежать. Но скажи-ка мне вот что...

Амелия посмотрела на Алана по-детски доверчиво. Он заметил, что она чуточку поддурманила щеки и накрасила губы перламутровой помадой.

– Да, слушаю тебя...

– Что за чертовщина была на поминках? Что твоя сестра говорила Элизабет?

На самом деле он отлично помнил все, что сказала Мэри Энн дочери. Помнил, как отчаянно умоляла она Элизабет быть осторожной. В тот миг ее слова воспринимались как следствие панической атаки или бог весть чего еще, но чем больше он о них размышлял, чем напряженнее вспоминал в безмолвии ночи, тем более зловещими и бессмысленными они казались.

– Алан... – ее умоляющий голос оборвался. Амелия вздрогнула. Пальцы забежали по фарфоровой чашечке, рот исказился от волнения и страха. – Честное слово, мы не сумасшедшие. Я хочу, чтобы ты знал, чтобы ты понял, что...

Алан взял ее руки и крепко сжал.

– Я слушаю тебя.

– Что-то случилось в ту ночь, когда умерла девочка... Я пока не уверена... Если бы это произошло еще раз, я растерялась бы точно так же. Но не могу же я сомневаться в том, что видела собственными глазами. Это не выходит у меня из головы ни на минуту.

Она замолчала и всхлипнула.

– Продолжай, прошу тебя... – мягко произнес Алан.

– Я проводила Эли в ее комнату. Мы не хотели, чтобы девочки видела сестру мертвой. К тому же Мэри Энн была в ужасном состоянии. Еще на заре Карлота позаботилась о том, чтобы Пенни хорошо выглядела: омыла, нарядила в любимое платье, чтобы на следующий день все увидели, какая она прелестная. Племянница умерла в три часа, незадолго до рассвета. Стоило немалых сил оторвать Мэри Энн от ее кровати, но мы справились. Отвели сестру к себе, а потом я долго сидела с Эли. Обняла ее и задремала. Не знаю, сколько прошло времени. Но, когда проснулась, в комнате что-то было...

– Что значит – что-то было? Ты имеешь в виду, что кто-то туда пробрался? Кто-то из местных?

Амелия покачала головой и опять всхлипнула. Достала из кармана платок и прижала его к губам, словно пытаясь сдержать слезы.

– Нет... это не был кто-то из местных. Я испугалась. Это была тень, она пряталась в углу комнаты. Тень в форме мужчины, высокого и худого. Я видела его совершенно отчетливо, в комнату через окно струился свет, ночь была лунной. Он стоял в углу неподвижно и пристально смотрел на нас. Боже... Это было так страшно. Панический ужас меня парализовал. Я не могла оторвать глаз

от этого темного сгустка, который словно разглядывал нас, изучал. Не помню, сколько времени я так сидела, но в какой-то момент эта штука начала медленно перемещаться. Тут я перепугалась еще больше. Несколько минут неподвижно на нее смотрела, убеждая себя в том, что это всего лишь халат одной из моих сестер или какая-то другая одежда, висящая на плечиках. Нет, она не шла: она двигалась так, словно под ногами у нее рельсы. Очень плавно... – Амелия вздохнула и вытерла слезы. – Я испугалась, ударила ладонью по стене и включила свет. Но в комнате было пусто... Оно ушло. Его уже не было.

– Ты же наверняка рассказала про это сестрам, – произнес удивленный Алан. – Видишь ли, когда сильно переживаешь...

– Нет, Алан, нет! – воскликнула она, перебив его. – Все вы, врачи и ученые, вечно твердите одно и то же. Но я видела его своими глазами. Я не идиотка, не дурочка, не сумасшедшая. Разумеется, я глубоко потрясена смертью моей маленькой племянницы, но я знала, что это произойдет. Я была готова к ее смерти, это не результат паранойи, или как вы ее зовете на вашем медицинском жаргоне.

– Прости, не хотел тебя обидеть, – пробормотал Алан: меньше всего на свете ему хотелось расстроить ее еще больше. – Я всего лишь пытаюсь найти логическое объяснение.

– И все это уже не в первый раз, – продолжала она. – Можешь считать нас кем хочешь. Честно говоря, плевать я на это хотела.

– Сестра говорит правду, – дрожащий голос Карлоты прозвучал неожиданно громко. Алан обернулся и несколько секунд неподвижно смотрел на вошедшую.

Карлота обошла стол и уселась рядом с ними. Ее большие испуганные глаза оказались прямо напротив Алана.

– Я тоже его видела, но не так отчетливо. Когда Пенни была совсем маленькой, мы иногда оставляли ее в кроватке наверху, а сами тем временем занимались домашними делами, или кто-нибудь отводил Элизабет в школу. Малышка хорошо засыпала, когда лучи солнца падали ей на лицо, поэтому сестра придвигала кроватку к окну и отдергивала шторы. Однажды утром я пылесосила наверху коридор. Дверь в комнату Пенни была открыта, поэтому, занимаясь своими

делами, я одним глазом посматривала на кроватку. Но в какой-то момент отвлеклась. Мэри Энн уже отвела Элизабет в школу. И вдруг прибегает с криками: мол, кто это там с девочкой, наверху какой-то человек, она его видела в окне, когда поднималась на крыльцо. Я растерялась. Боже правый! В дом никто не входил. Кто, черт возьми, мог пробраться в детскую, если посреди коридора стоит мой пылесос, громадный, как пароход? И тут я его увидела: он стоял у кровати. Проклятая тень в форме мужчины: склонившись над девочкой, она что-то шептала. Она разговаривала с Пенни!

Выслушав откровения Карлоты, Алан смутился. Он не мог поверить тому, что слышал. Он этого не понимал. Задумчиво посмотрел на Карлоту, затем скользнул взглядом по лицу Амелии.

– А потом тень посмотрела на меня, – продолжала Карлота. – Вид ее был ужасен. Я точно знаю, что это был мужчина: у тени был рост и фигура мужчины. Она чуть заметно подрагивала, словно была чем-то вроде голограммы, но не двигалась, пристально наблюдая за моей реакцией. И тут я услышала голос сестры: Мэри Энн стояла позади меня. Я почувствовала легкое прикосновение к плечу, но потом она застыла, словно заледенела. Никогда не забуду те глаза, Алан, – глаза тени: такие большие и темные, что казалось... Казалось, это существо явилось из самой преисподней. Оставалось неясным, что делает эта штука возле кровати Пенни. Но самое ужасное в этой истории – поведение сестры. Я была уверена, что она, как тигрица, кинется защищать свое дитя, как поступала всегда, всю жизнь. Однако, к моему удивлению, она стояла неподвижно, взгляд ее был прикован к фигуре, руки бессильно свисали вдоль тела, а на лице застыло выражение замешательства и сомнения. – Карлота вздохнула и поправила заколку. Голос ее звучал серьезно, даже торжественно. Она держалась со свойственной ей холодностью, едва глядя на Алана. Но в какой-то миг взгляд остановился на его лице, зрачки вонзились в его глаза, точно иглы. – Сестра смотрела на него как замороженная. Мне казалось, что я вот-вот грохнусь в обморок перед этим существом, или кем оно там было, однако Мэри Энн совершенно успокоилась: полупрозрачное создание будто бы ее загипнотизировало. Оно смотрело на сестру долго, пристально... В конце концов, я закричала от ужаса. Существо вздрогнуло, отодвинулось назад и испарилось – по крайней мере мне так показалось, потому что в эту секунду сестра пришла в себя и ворвалась в комнату Пенни, словно за ней черти гнались. Но в комнате уже никого не было. А теперь говори все что хочешь, Алан. Про галлюцинации, посттравматический стресс из-за смерти Виктора, еще что-то. Я его видела собственными глазами и моя сестра тоже.

Повисла неловкая тишина. Амелия с излишней поспешностью поднялась с кресла.

– Может, зря я тебе все это рассказываю, – сказала она. – Ты врач, Алан, а среди людей твоей профессии мало кто верит в подобного рода вещи. Но я знаю одно: эта тень действительно побывала в нашем доме. Впервые мы видели ее несколько лет назад, а затем она появилась снова... Мы думали, это всего лишь случайность. Загадочное явление, которое видели две сестры, хотя Мэри Энн клянется, что встречала его время от времени и потом тоже, каждый раз у кровати Пенни...

Амелия остановилась у окна и оперлась руками о мраморную столешницу: у нее больше не было сил говорить. Неподвижно глядя на ее искривленную от напряжения спину, Алан тоже не мог произнести ни слова. Мысли путались, к тому же его до крайности смущал страх, звучащий в голосах сестер, когда они рассказывали эту историю, – отчетливый, невыразимый ужас.

– Я раньше не верила в такие вещи, Алан, – сказала Карлота. Ее старшая сестра задумчиво смотрела куда-то вниз, ее руки покоились на столе. – В жизни не смотрела все эти передачи по телевизору – про призраков и все такое. Меня даже верующей сложно назвать. Но вокруг нашей семьи за эти последние годы на моих глазах происходили странные события. Надеюсь, ты не думаешь, что все это спектакль, разыгранный тремя сумасшедшими тетками.

– Но почему вы раньше про это не говорили? – спросил Алан: он сам удивился, как странно прозвучал его голос.

– Зачем? – откликнулась Карлота. – Чтобы ты принял нас за чокнутых? Ты и сейчас вряд ли нам веришь. Вроде бы и рад поверить, потому что мы твои знакомые и ты нас уважаешь, но все равно не можешь.

– Но я бы вам хоть как-то помог! – воскликнул он. – Я живу в соседнем доме. Мы бы вместе искали объяснение. Должно же оно быть.

Амелия не ответила. Ее сестра машинально барабанила пальцами по столу, затем внезапно выпрямилась и сложила руки перед грудью, словно собираясь помолиться.

– Если мы сейчас рассказываем тебе это историю, Алан, если мы так или иначе обратились к тебе за помощью, все это по одной-единственной причине: мы умираем от страха.

Алан насторожился. Какая-то мысль пришла ему в голову: он повернулся к Карлоте так резко, словно его подбросила вверх спрятанная в кресле пружина.

– Элизабет его видела. В тот самый вечер.

«Не дай ему забрать и ее тоже. Теперь она моя единственная дочь». В это мгновение слова, произнесенные Мэри Энн во время похорон Пенни, приобрели новый, более отчетливый смысл.

– Как... кого видела? Но это же безумие...

Это галлюцинация, вертелось в мозгу у доктора. Массовая галлюцинация, порожденная эмоциональным потрясением. В этом предположении имелась доля смысла, особенно если учесть, сколько верующих в одно и то же время видят чудо, неподвижно глядя в одну точку и ожидая появления ангела или Пресвятой Девы; тем не менее в каком-то уголке его сознания теплилось глубокое доверие к сестрам. Он знал их много лет. Много лет подряд разделял с ними стол, а также всевозможного рода споры и беседы. Ему нравилась Мэри Энн, быть может, он даже был влюблен в нее. И обожал обеих девочек.

– ...рядом с качелями, – пробормотала Амелия.

– Что? – Алан с усилием прервал свои мысли.

– Она видела его возле качелей. Мы как раз поужинали, и она качалась на качелях. А вернувшись домой, заявила, что около клумбы с лилиями стоял какой-то человек. Молодой, но странный. По крайней мере так ей показалось, потому что выглядел он нечетко, расплывчато. Как выразилась Элизабет, ей будто бы вдруг понадобились очки для дали. Когда мы ее спросили, где именно он стоял, она ответила, что точно не знает: он начал перемещаться, услышав наши голоса, а когда она вновь посмотрела в ту сторону, его уже не было.

– Да, необычная история, – заключил доктор, помолчав. – Поднимусь-ка наверх, навещу девочку и Мэри Энн. Продолжим наш разговор в другой раз. Если вы уверены, что в доме кто-то бывает, одних я вас здесь не оставляю. Кто бы это ни был, мне все равно. Чуть позже мы все обсудим. Уверен, этому есть какое-то объяснение. А если его нет, мы его непременно отыщем.

Обе женщины кивнули одновременно. Амелия подошла к столу и принялась сосредоточенно убирать тарелки и чашки.

– Возможно, Элизабет спит.

– Хочу убедиться, что с ней все в порядке, – пробормотал доктор, направляясь к лестнице.

Он чувствовал себя так, словно ему в брюки залили два килограмма цемента. Все тело налилось тяжестью, а головная боль после некоторой передышки снова напомнила о себе, на этот раз более настойчиво. Он ступал по ступенькам медленно, осторожно. Все услышанное казалось бессмысленным и диким, тем не менее он не переставал напряженно о нем размышлять. Поднявшись наверх, повернул вправо и остановился у первой двери. Она была закрыта. Он повернул ручку и заглянул внутрь. Элизабет крепко спала, укрытая пуховым одеялом. Он подошел к ее кровати, наклонился и поцеловал в лоб. Осторожно, чтобы не разбудить. Прежде чем выйти, осмотрел комнату: стеллаж, уставленный детскими книжками и фарфоровыми куклами в бархатных платьицах, среди которых неуклюже громоздился мишка, которого два года назад сам Алан выиграл на ярмарке в тире. Он несколько секунд помедлил, любясь безмятежным личиком Элизабет, затем, стараясь ступать как можно тише, покинул комнату. Еще две двери в глубь коридора, и он увидит Мэри Энн. Он тихонько нажал на ручку, предварительно дважды стукнув в дверь костяшками пальцев, чтобы предупредить о своем появлении. Чуть заметный порыв ветра коснулся его лица. Алан посмотрел на окно в уверенности, что это Мэри случайно оставила его приоткрытым; однако окно было закрыто. Мэри Энн лежала на кровати, длинные пряди ее волос живописно рассыпались по простыне, словно она плыла. Увидев ее, он улыбнулся. Она была бледна, но на белых щеках виднелись слабые пятнышки румян, а губы были подкрашены нежной розовой помадой. Он уселся на край кровати и взял ее руку.

– Алан... – пробормотала она. – Хорошо, что ты пришел.

– Привет, радость моя. Как ты сегодня себя чувствуешь?

Он прикоснулся ладонью к ее лбу. Затем провел двумя пальцами по щекам, отодвинул прядь волос, чтобы как следует полюбоваться ее лицом. Ее худоба стала еще более заметной. Должно быть, у Мэри Энн маковой росинки во рту не было со дня смерти Пенни, и это беспокоило Алана.

– Лучше... Я лучше себя чувствую, Алан. Прилегла немного: разболелась голова, но, надеюсь, эта ночь пройдет лучше, вот и стараюсь не спать. Таблетки, которые ты мне прописал, помогают отдохнуть, хотя я от них отупела.

– Ничего, это нестрашно. Принимай одну таблетку перед сном и одну утром. Будешь себя лучше чувствовать.

Мэри Энн протянула руку и прикоснулась к щеке Алана. Одеяло сползло, и краем глаза доктор заметил, что на ней белая ночная рубашка, под которой ничего нет. Сквозь прозрачную ткань просвечивали груди. Он отвел глаза, но она перехватила его взгляд.

– Спасибо, что ты нас навестил. Я очень благодарна тебе за все, что ты для нас делаешь.

– Не надо ни за что меня благодарить, Мэри. Я всегда в твоём распоряжении.

– Знаю, – проговорила она чуть слышно. – Спасибо.

Интересно, как надлежит ему поступить? Если он накинет на нее одеяло, она поймет, что он видел ее полуголую; если же оставит все как есть, она все равно об этом рано или поздно узнает и подумает, что он нарочно рассматривал ее наготу и ничего не сказал. Все эти досужие мысли за долю секунды пронеслись у него в голове. Но вот она повернулась в кровати, и, к его громадному облегчению, одеяло вернулось в исходное положение.

– Сколько лет мы уже знакомы, Алан? – лениво спросила она. – Шесть? Семь?

– Около того. Я переехал сюда семь лет назад. В тот день ты привела в клинику Элизабет с гастроэнтеритом. Да, точно: семь лет прошло.

Теперь он вспомнил точно. Жена недавно умерла, и он переехал в Портленд с единственной целью: оказаться подальше от всего, что напоминало бы прежнюю жизнь.

– Ты лучше других понимаешь мои чувства, Алан... И всегда понимал лучше всех, потому что ты уже прошел этот крестный путь. Но со временем боль притупляется, правда же?

Алан опустил глаза.

– Конечно, Мэри. К ней привыкаешь. Это надо пережить, а ты сильная, радость моя. Сильная и молодая. Впереди целая жизнь. У тебя есть очаровательная девочка, уже почти девушка.

И вновь тот же ветерок, дрожание занавесок, пойманное краем глаза. Он повернулся к окну, уверенный, что они действительно шевельнулись, но ничего не увидел. Под потолком чуть слышно звякнула люстра.

– Я знаю. Я нужна Элизабет.

Она приподнялась на локте, одеяло сползло, и перед ним вновь открылась ее нагота, различимая под белой тканью рубашки. Алан нервно пошевелился. На миг ему показалось, что Мэри все понимает, но ей это безразлично. Нет, такого не может быть. Она всегда была скромной и порядочной женщиной. Ни разу не давала повода думать противоположное, хотя степень его участия в жизни ее семьи с годами возрастала.

«Но теперь у нее нет больной дочери, Алан. Мэри больше не придется о ней заботиться, и она станет более свободной. У нее найдется время и для тебя», – этот голос в голове, похожий на чуть слышное дуновение ветра, его озадачил. Он отодвинулся от Мэри Энн, машинально осматривая широкую кровать с деревянным изголовьем, массивную мебель, делавшую комнату уютной, не слишком ее захламляя.

– Что-то случилось? – ее голос звучал словно издалека. – Алан!

– Нет, я просто устал. Сегодня странный день. Кстати, где градусник?

– На тумбочке.

Она нагнулась, чтобы выдвинуть ящик, и его глазам бесстыдно предстали ее обнаженные бедра. Он ни разу не видел Мэри Энн в такой короткой прозрачной рубашке, под которой ничего не было. Без всякого сомнения, эта нагота будет сопровождать его еще долго.

– Послушай, радость моя... – взмолился он, пока она рылась среди бумаг, проспектов и коробочек с лекарствами.

– Он где-то здесь. Собственными руками сунула его в футляр и положила в этот ящик.

– Мэри... – занавески снова качнулись. У него возникло странное подозрение, что рядом кто-то есть. Он почувствовал внутри головы болезненный укол. И шепот, похожий на шум.

– Вот он, – воскликнула она наконец и повернулась к Алану. Ее глаза округлились от испуга. – Что случилось?

Мэри Энн уселась на подушку: теперь она казалась ему очень возбуждающей. На лице у нее застыл вопрос. Присмотревшись, она поняла, что Алан что-то видит.

– Боже, – она по-змеиному юркнула назад под одеяло, придерживая его руками, как маленькая испуганная девочка. – Честное слово, Алан: я такого не надевала. Клянусь, я легла в обыкновенной длинной рубашке! Господи, я же почти голая!

– Наверное... Наверное, ты ошиблась и случайно взяла с полки другую рубашку.

Мэри Энн смущенно заморгала. Алан застыл, лицо его побледнело.

– Да, я не включала свет. Я думала, что...

– Ничего страшного, успокойся. – Алан готов был умереть на месте. Шепот умолк, зато его возбужденная плоть отзывалась теперь настолько очевидно, что сложно было это скрывать. – Давай-ка тебе температуру померяем.

Градусник все еще держала Мэри Энн.

– Мне жаль... Мне правда очень жаль, – прошептала она. – Боже, стыд какой.

Мэри Энн сунула градусник под мышку. Затем улеглась и прижала руки к груди. Понемногу она успокаивалась. Неприятный момент остался позади.

– Я врач, Мэри, – Алан готов был соврать, чего прежде не позволял себе ни разу в жизни. – Я привык к голому телу, я вижу его перед собой ежедневно. Тебе не о чем беспокоиться, дорогая.

«Ха-ха-ха» – чей-то смех отчетливо прозвучал у него в голове; Алан резко обернулся.

– Ты слышала?

– Слышала – что?

Она пожала плечами.

– Ничего. Наверное, твои сестры смеются внизу. Давай-ка градусник. – Он посмотрел на ртутный столбик и улыбнулся. – Температура нормальная, но ты очень бледна. Ничего не ешь в последнее время. Надо обязательно как следует питаться. Ты похудела, хотя казалось бы, куда больше. Первоначальная наша задача – твое питание. Тебе ни в коем случае нельзя терять вес, Мэри.

Он сунул градусник в пластмассовый чехол и положил обратно в ящик столика.

«У нее соблазнительные груди, не так ли, доктор?» – вновь прозвучал все тот же голос.

– Ты слышала?

– Я сказала, что ты очень хороший человек.

Алан наклонился, нежно поцеловал ее в лоб и накрыл одеялом. У него возникло впечатление, что разговора в гостиной попросту не было или с тех пор прошло много лет, а все, что происходит сейчас в этой комнате, казалось ему нереальным. Он хотел обнять ее, но не решился.

– Я завтра снова зайду. Отдыхай. И, прошу тебя, Мэри... ешь нормально...

Он поднялся с кресла. По крайней мере попытался. Мэри взяла его за руку и пристально смотрела ему в лицо. Ее губы были крепко сжаты, а на глазах выступили слезы.

– Мне страшно, Алан, – прошептала она. – Страшно за дочку... За меня, за сестер...

– Если я тебя сейчас обниму, я пропал. – От собственных слов у Алана закружилась голова. Что он несет? Как смеет?

Она приоткрыла рот, словно собираясь что-то сказать. Осторожно приподнялась, придерживая свободной рукой на груди одеяло, и посмотрела ему в глаза. В этот миг Алан воплощал собой полнейшее отчаяние, слабость и уязвимость.

– Можно я тебя обниму...

Она прильнула к нему всем телом. Погладила шею, обхватила руками. Алан неловко обнял ее в ответ. Одеяло соскользнуло, и он почувствовал у себя на груди ее горячее тело со всеми его волнующими изгибами, ее нежная худая щека прижалась к его лицу. Он ощутил испуганный трепет, который излучал каждый сантиметр ее кожи.

– Не оставляй нас, Алан... – шепнула она ему в ухо. Он вздрогнул. – Не позволяй, чтобы он что-нибудь с нами сделал...

Он открыл глаза и напрягся всем телом: слова отозвались у него в сознании, словно явное доказательство того, что он не мог, да и не хотел понимать. Он обнял ее еще крепче, чувствуя сквозь рубашку ее груди. Но он ничего не замечал. Слишком внимательно следил за движением занавесок. Теперь он видел совершенно отчетливо: они шевелились.

В школе Дэнни Колеман был одним из немногих детей, которые присутствовали на похоронах Пенни Берри. Мать понимала, что ему это необходимо, и написала заявление на имя директора школы, чтобы тот отпустил ее сына попрощаться с подругой. Родители относились к Дэнни с уважением, хотя ему было всего лишь двенадцать лет. Не по годам разумный, рассудительный мальчик, чуть замкнутый и молчаливый – вот каким был Дэнни. Была у него и еще одна черта: он очень образно, живо и разумно рассуждал, неожиданно взрослыми выглядели его продолговатое лицо, большие светлые глаза и даже вьющиеся русые волосы. Другие дети то и дело задирали Дэнни, но его это будто бы не касалось. Иногда его обзывали «педиком», «девчонкой» или «красоткой», а все потому, что он не любил кидаться камнями, соблюдал правила дорожного движения, когда катался на велосипеде, не смотрел бейсбол и не играл в видеоигры. Иногда во дворе школы на него нападали мальчишки, и ему приходилось защищаться. Он терпеть не мог насилие, но, несмотря на худобу, в большинстве случаев высокий рост и ловкость позволяли ему отражать любое нападение. Пенни за него заступалась, и это их сблизило. Они вместе ходили в школу, субботними вечерами частенько смотрели какой-нибудь фильм, а иной раз наведывались на старую лесопилку и, сидя на опушке леса, любовались городком, листали журналы и грызли сладости или фрукты, которые приносили с собой в рюкзаках.

Но в последние месяцы все коренным образом изменилось. Пенни не выходила из дома. Ее мама сказала Дэнни, что ему больше не нужно приходить, потому что к девочке моментально липнет любая зараза: насморк или вирус. Он все понял, он был сообразительным ребенком, к тому же с состраданием относился ко всему, что происходит вокруг, и очень переживал, когда Мэри Энн упавшим голосом попросила его, чтобы он хотя бы изредка звонил ее дочери: разумеется, он бы и сам звонил без особых указаний с ее стороны.

Его единственная подруга исчезла навсегда. Боль от разлуки стала для него новым переживанием, которое было трудно скрывать. Он сидел на кровати, и у него не было сил бороться с печалью. Глаза наполнились слезами, ему казалось, что он того и гляди разрыдается. На столе напротив кровати стояла фотография: он и Пенни на веранде ее дома. Глядя на это фото, казалось, что ничего плохого случиться не может. Отец всегда говорил, что у Берри один из самых красивых и больших домов в Пойнт-Спирите: в колониальном стиле, с двускатной крышей и

восемью окнами на переднем фасаде. Он сосчитал эти окна одно за другим, поджидая Пенни, чтобы вместе идти играть.

– Только таким и может быть дом настоящего героя, – сказал Пол Колеман как-то вечером, когда семья прогуливалась по городу перед походом в кафе-мороженое. – Виктор был великий человек, храбрец, каких мало, к тому же оставил им какое-никакое, а состояние, застраховав свою жизнь. Предусмотрительный был малый. Хорошо, что сестры переехали к Мэри Энн. Она не могла бы в таком большом доме одна с двумя дочурками, одна из которых младенец.

Дэнни помнил, с каким лицом выслушала его мать это замечание отца. Лорна покачала головой и заметила, что не понимает, какая разница между вдовой и вдовцом, имея в виду доктора Алана Фостера из соседнего дома, который жил один. Тем не менее отец был искренне уверен, что это две разные вещи. На женщин нападают гораздо чаще, чем на мужчин. Дэнни не было согласен с отцом, но в тот вечер не стал возражать. Остаток прогулки мать перечисляла причины, по которым стоило думать так, как она, и больше отец не произнес ни слова, пока они не вышли из кафе-мороженого.

– Солнышко, с тобой все в порядке?

Лорна Колеман осторожно просунула голову из-за приоткрытой двери и улыбнулась мальчику, сидевшему неподвижно.

– Все хорошо, мама, просто я думал о Пенни.

Мать тихонько приблизилась к сыну и уселась рядом на кровать. Положив руку ему на плечи, с нежностью прижала его к себе.

– Мужайся, сынок. Ты сильный мальчик, ты это переживешь.

Дэнни улыбнулся, хотя не был уверен, что она права. Сейчас ему было трудно такое представить.

– Представляешь, только что отыскала на чердаке очаровательный пейзаж. Нарисован маслом на дощечке. Скорее всего, остался от бабушки. Куплю для

него рамку и повешу у тебя в комнате. Пойдем, посмотришь, какой он чудесный, а заодно что-нибудь съешь. Он, правда, немного потемнел, но на стене будет смотреться отлично. Вот тут и повесим, – Лорна указала рукой на стену. – В общем, сейчас увидишь. Уверена, тебе понравится.

Она поцеловала его в висок и решительно встала. Мать Дэнни обожала картины и рисунки. Дэнни не мог до конца понять этого увлечения, он не видел ничего особенного в том, чтобы скупать картинки, нарисованные кем-то другим, подбирать к ним рамы и увешивать весь дом пейзажами и букетами в кувшинах. Он никогда не сказал бы про это матери. Он знал, с каким удовольствием она занималась своим коллекционированием. К тому же она не работала, и ей приходилось много времени проводить дома в одиночестве. «Главное для нее – это способ чем-то себя занять, – рассуждал он. – Ничего страшного, что кувшины безвкусны, а дом похож на аляповатый музей, увешанный случайными экспонатами».

– Вот, полюбуйся, – воскликнула Лорна, возвращаясь в комнату. Она уселась рядом с сыном и улыбнулась. – Здорово, правда? Мне очень нравится.

Дэнни взял у нее дощечку и всмотрелся в пейзаж. На дощечке изображалось что-то вроде долины. В глубине пейзажа располагался домик с оранжевой крышей, белыми стенами и маленькими окошками. За домиком виднелись горы, паслись овечки, а в середине композиции изображался пруд, в непосредственной близости от которого сушилось развешанное на веревке белье. Пронзительная синева неба перемежалась белыми пятнами, похожими на облака, только очень далекие. Дэнни внимательно склонился над дощечкой, но не мог обнаружить в пейзаже ничего выдающегося. Мать смотрела на него выжидающе, находка явно ее взволновала, и у него не было сил ее разочаровывать.

– Очень здорово, мама. Ты права, это будет отлично смотреться в моей комнате.

– Я знала, что тебе понравится, солнышко. Оставляю ее у тебя. Завтра отвезем в мастерскую, и ты выберешь раму.

Она встала и снова чмокнула его в висок. Мать была очень красивая женщина, хотя с некоторых пор непонятно, зачем осветляла свои чудесные каштановые волосы: вместо того чтобы подчеркивать естественную красоту, русый оттенок

ее старил.

– Спасибо, мама.

– Не за что. Пойду что-нибудь тебе приготовлю. Спускайся поскорее.

Проговорив это, она вышла, а Дэнни так и стоял посреди комнаты с дощечкой в руках, не зная толком, что с ней делать. Кончиками пальцев провел по грубой рыхлой поверхности. Затем поднес картину к глазам и сосчитал овечек – их было три, хотя в глубине пейзажа виднелось дерево, из-за которого торчали задние ноги четвертой овечки. Забавно, подумал мальчик. В это мгновение что-то привлекло его внимание. Он сузил глаза и всмотрелся в домик, точнее, в одно из его окон.

– Ух ты. Как интересно.

Он выдвинул ящик стола, достал небольшую лупу с несколькими увеличениями и поднес к картине. К его удивлению, в одном из окошек виднелось что-то вроде человеческого лица. Внутри домика явно кто-то был, как бы ни абсурдно звучало подобное предположение.

– Кому пришло в голову рисовать на картине лицо, если его почти не видно? – пробормотал Дэнни, продолжая всматриваться в крошечный овал. – Да и овечкин зад позади дерева тоже выглядит как-то странно.

Он провел пальцем по крошечному прямоугольнику окна. Ему пришло в голову, что это случайное пятнышко или мазок краски, принявший форму лица, но было очевидно, что это не так. Он внимательно осмотрел дощечку через лупу, надеясь обнаружить в одном из уголков подпись автора. Но там ничего не было. Тогда он перевернул дощечку, и холод пробежал у него по спине. На тыльной стороне красовалась надпись:

ПРИВЕТ

– Привет, – прошептал мальчик, будто бы отвечая автору пейзажа. Некоторое время в недоумении таращил глаза на карандашную надпись, снова перевернул

пейзаж и замер. – Ничего себе...

Долина изменилась. По крайней мере так показалось Дэнни, когда он повертел дощечку в руках и снова увидел домик и пейзаж. Он готов был поклясться, что небо уже не было таким синим, а белые пятнышки приобрели сероватый оттенок и даже будто бы стали чуть темнее. Он переместил лупу и навел ее на пруд и веревку с висящим бельем, которое будто бы раскачивал ветерок. Лицо в окошке стало более заметным, более отчетливым. Если в первый раз Дэнни казалось, что это случайный мазок бежевой краски с двумя точечками, теперь, поднеся лупу к окну, он ясно видел, что у лица совершенно точно есть глаза: заметны были даже брови, а на голове – что-то вроде шляпы. Он сосредоточенно хмурился, изучая каждую мелочь. Когда лупа добралась до овечек, он не удержался и вскрикнул, а пальцы выронили лупу. Четвертая овечка исчезла. Он уже не видел две задние ноги, не видел и овечьиного зада, чуть выступавшего из-за дерева. Сейчас он видел... ее морду! Получается, все сделалось наоборот? Но этого не может быть! Охваченный паникой, не веря своим глазам, он наклонился и дрожащей рукой подобрал лупу с пола. На этот раз овечка смотрела прямо на него, взгляд ее больших черных глаз был сосредоточен на невидимой точке, а уши свисали по обеим сторонам головы.

– Нет, это какая-то ерунда, – прошептал мальчик.

И тут морда овечки изменилась. Это произошло медленно: губы едва заметно разъехались в стороны. Рот кривился насмешливо и недобро, и, наконец, на морде появилась что-то вроде зловещей улыбки. Увидев ее, Дэнни вскрикнул, швырнул картину в угол комнаты и бросился на кровать так порывисто, что стукнулся головой о деревянное изголовье. Некоторое время мальчик сидел нахохлившись, обхватив руками колени и не зная точно, что делать дальше. Все тело дрожало, он смотрел на картину, лежавшую на полу рисунком вниз, так что видна была карандашная надпись.

– Спускайся, полдник на столе! – крикнула мать. Дэнни вздрогнул, сердце от неожиданности чуть не выпрыгнуло из груди.

– Иду... – шепнул он чуть слышно.

Он собрал все силы и прыгнул с кровати. Подошел к лежавшей в углу дощечке, склонился над ней, осторожно протянул руку. «Мне показалось», – подумал он.

Должно быть, он был так поглощен мыслями о Пенни, что разум решил над ним пошутить, обвести вокруг пальца. Он перевернул дощечку и несколько мгновений пристально всматривался в пейзаж. Никаких перемен. Он провел рукой по вспотевшему лбу, затем вытер влажную ладонь о штанину. Четвертая овечка стояла на своем месте – задние ноги едва виднелись за деревом, словно она решила спрятаться. Дэнни перевел взгляд на домик, осмотрел пятнышко краски в форме лица, затем изучил небо. Вздохнул с облегчением и положил картину на стол. Небо было по-прежнему синим, три овечки мирно глазели на горы, и все было как раньше. Дэнни чуть не расхохотался.

– Дэнни, ты где застрял? – снова крикнула мать. – Спускайся, солнышко!

– Иду! – откликнулся Дэнни.

Вышел за дверь и побежал по коридору к лестнице.

6

Он неподвижно всматривался в ненастную ночь. Лицо его было задумчиво и напряженно. Приятное тепло, струившееся из здания полицейского участка, настойчиво приглашало внутрь; но он по-прежнему любовался холодным воздухом и темным небом, на котором не было видно ни единой звезды, – небом, предвещавшим скорую бурю. Шериф Ларк пожил на свете достаточно, чтобы как следует изучить внезапные и необъяснимые перемены погоды, но за последние тридцать лет даже он не мог припомнить такой холодный и темный сентябрь. Он окинул взглядом площадь и теплые желтые огни, мерцавшие в окнах кофейни «Коконут». До него донесся аромат крепкого кофе. Этот соблазнительный запах витал вокруг кофейни в любое время суток.

От размышлений Ларка отвлек шум приближавшегося автомобиля. Где-то слышался голос Элен, которая перемещалась по участку со свойственной ей подвижностью. Эта женщина горела на работе, она явно перерабатывала, но поражало Ларка не это. Каким образом толстуха двигалась ловко и быстро, как рысь, а ее неизменная юбка-карандаш при этом не лопалась? Тихонько покашляв, он наблюдал, как Томми паркуется напротив участка.

– Привет, Ларк. Как у вас дела? – спросил Томми, вылезая из машины.

– Шериф. Привет, шериф, – поправил его Ларк. Он прочистил горло, повернулся и сплюнул. Затем подтянул ремень с кобурой повыше. – Думаю, завтра будет дождь.

Томми подошел к нему и потер руки.

– Холодина ужасная, – он обернулся и посмотрел на лес, темневший за домами. – Надеюсь, что ненадолго. Электрические компании ждут не дождутся, когда в городе включат отопление.

– Отложи на завтра доклад по делу Оуэнс и ступай домой, – приказал ему Ларк. – Вряд ли у нас сегодня будет много работы. Все вроде спокойно. А если что, Элен пробудет в участке еще несколько часов.

Томми хотел что-то ответить, но внезапные шаги и голоса заставили его повернуть голову. По улице шагали двое мужчин. Когда они приблизились, он узнал преподобного Маркуса и писателя, который снимал у Лоретты домик.

– Неужели кто-то осмелился выйти на улицу в такую холодрыгу, – воскликнул шериф и снова закашлялся. – Добрый вечер, ребята.

– Здравствуйте, шериф. – Роберт замерз: озябшие руки он прятал в карманы куртки. – Привет, Томми...

– Как дела, пастор? Собираетесь перекусить? Время ужинать.

– Заглянем к Лоретте, у нее же и поужинаем. Вы знакомы с Джимом Алленом, новым ее постояльцем? Джим, это шериф Ларк и его помощник Томми Нортон.

Ларк покосился на человека, стоявшего слева от пастора, и на лице его изобразилась кривоватая улыбка. Ну и тип. На носу очки без оправы, волосы всклокочены, как у пижонов, которые рассуждают в телевизоре на утренних теледебатах. Высокий, почти такого же роста, как и пастор, но более худой.

– Вы, если не ошибаюсь, писатель.

– Именно так, – ответил тип, улыбнувшись.

– Внучка обожает ваши сказки, – буркнул Ларк. – Если найдется свободная минутка, заходите к нам, подпишите ей книжку. Думаю, она обрадуется, хотя ей всего десять лет.

– В любое время, шериф. Вы теперь знаете, где я живу.

Ответ пришелся Ларку по душе. Не сказать, чтобы чужаки вызывали у него горячую симпатию при первом же знакомстве, но впечатление было благоприятным, что, впрочем, не мешало ему считать этого типа выпендрежником.

– По-моему, доктор Фостер направился туда же, – продолжал Томми. – Я заметил, как он прошел по улице. Точнее, увидел пестрый шарф и подумал, что это он. Доктора Фостера ни с кем не спутаешь. Даже если туман и ничего не видно, все равно узнаешь по шарфу.

– Это точно. Такие шарфы – фирменный стиль Алана, – Роберт усмехнулся. – Ладно, друзья, доброй ночи. Надеюсь, до костей не промерзнем.

– Вам тоже всего доброго. – Томми повернулся спиной, собираясь направиться в участок. – Рад познакомиться, мистер Аллен. Надеюсь, вам у нас понравится и вы не пожалеете о своем решении тут пожить.

– Думаю, так и будет.

Когда двое исчезли за углом, Томми вошел в участок вслед за Ларком. Тепло ударило в лицо, но вместо удовольствия он ощутил слабость и озноб во всем теле.

– Ого! Сколько показывает термометр? Сорок градусов? Эта женщина решила нас уморить?

Усмехнувшись, шериф направился в кабинет.

– Эй, Элен, уменьши-ка отопление! – крикнул он.

Элен повернулась на своем вертящемся стуле и выгнула брови, словно кто-то ее оскорбил. Она отрицательно покачала головой и внимательно посмотрела на Томми. Взгляд Томми был прикован к какому-то предмету, лицо стремительно бледнело.

– Эй, Томми, что с тобой? – насмешливо спросила Элен. – Испугался марионетку?

Томми смутился.

– Терпеть их не могу. Какого черта ты прицепила сюда эту гадость? Просто кошмар.

– Эта марионетка – подарок моего племянника из Портленда, так что следи за словами. Ничего особенного в ней нет. Мальчик собственными руками ее раскрасил. Из всех сил старался, чтобы тетя знала, как он ее любит.

По правде сказать, выглядела кукла и впрямь жутковато. Тощая дылда в бесформенной хламиде, изображающей свитер. Темно-синие штаны и кепка разносчика пиццы. Но самым неприятным было лицо. Большие угольно-черные глаза, рот, приоткрытый в форме буквы «о», два алых пятна на щеках. Многочисленные нити, на которых было подвешено нелепое создание, придавали ему гротескный вид. Покосившись на Томми, Элен презрительно сложила на груди руки.

– Сколько можно сидеть с такой физиономией? Неужели и правда кукол боишься?

– Не то что боюсь, – отозвался Томми, хотя в глубине души действительно их побаивался, – просто они мне не нравятся. Есть люди, которые не любят клоунов. А я не люблю марионеток.

– Господи... Тридцать лет парню, весь из себя вояка, а боится дурацкой куклы длиной в полметра!

Томми собирался что-то возразить, но тут из кабинета вышел шериф. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

– Проклятые мальчишки снова залезли на лесопилку, – проворчал он.

Элен и Томми повернулись к окну.

– Почему вы так думаете?

– Там какие-то огни. Конечно, это мальчишки: курят гашиш и пьют пиво. Каждый раз одно и то же: пустые бутылки и окурки. Поганцы! Добром это не кончится: что-нибудь да случится рано или поздно. Если мне еще раз попадется этот Патрик или мальчишка Графтов, заставлю целый месяц подметать весь город, а в задницу воткну метлу!

– Сгоняю-ка я туда, – предложил Томми. – Мне по пути: все равно проезжаю мимо. Пора разобраться с этим делом.

– Правда заедешь? – строго спросил Ларк. – А то я и сам могу. Если это они, я им дуло засуну...

Элен захохотала хриплым заразительным смехом и затрясла головой. Короткие темные волосы заплясали вокруг лица, придавая ей сходство со шваброй.

– Вот я и говорю, лучше мне поехать, – смутился Томми.

– Забавный ты парень. Вот я в твоём возрасте...

– Ох, да ладно вам, – воскликнула Элен. – Хватит на сегодня баталий. Сообщи по рации, Томми, если возникнут проблемы.

– А ты убери подальше эту штуку, – отозвался Томми, направляясь к двери. – Вряд ли понадобится рация. Заслышав патрульную машину, они разбегутся кто куда, как тараканы, а я поеду домой и лягу в горячую ванну. Но, если что, звякну.

В ответ Элен скорчила свирепую гримасу, взяла марионетку и подергала ее за ниточки.

Через четверть часа Томми припарковал машину на посыпанной гравием стоянке напротив лесопилки. Можно было бы заехать прямо на территорию, но тогда бы мальчишки разбежались, а ему хотелось как следует их напугать. Он заглушил мотор и окинул взглядом громоздившееся перед ним унылое строение. Позади лесопилки печально и зловеще темнел лес. Где-то в глуши этого леса при желании все еще можно было отыскать остатки старой железнодорожной ветки. Томми нащупал в бардачке фонарик и хотел было прихватить рацию, чтобы позвонить Элен, но передумал: мальчишки могли услышать ее потрескивания. Он осторожно прикрыл дверцу машины и зашагал по дорожке. Гравий тихонько скрипел у него под ногами. И правда: внутри здания виднелся свет. Томми не знал точно, что это, фонарик или лампа: окна фабричного корпуса были разбиты и покрыты пылью, и огоньки мерцали еле-еле. Справа возвышалось второе здание, деревянное, похожее на первое, но поменьше. Обе постройки были тем немногим, что осталось от некогда процветавшей лесопилки. Ларк рассказывал, что когда-то в давние времена там было шесть или семь корпусов вроде тех, что остались, а на берегу реки стояла мельница, однако от них почти ничего не сохранилось. Только главное здание фабрики.

Через несколько минут Томми приблизился к темной громаде фабрики. Огромная уцелевшая труба вонзалась в темноту неба, подобно маяку. Снаружи виднелись деревянные балки, на которых держалась вся конструкция цеха. Наверняка мальчишки не знали, как опасно залезать в такие ветхие строения. Он поднял фонарик. Слабый луч света скользнул по земле. Вокруг валялись обломки кирпича и битые стекла, стены подпирали длинные деревянные жерди. Внутри слышались какие-то звуки. Томми обошел здание и оказался у отвесной подъездной дороги, уходившей в чащу леса.

– Как бы в реку не упасть, – пробормотал он, высвечивая фонариком черноту.

Слабый треск за спиной заставил его обернуться. Внутри фабрики явственно слышались шаги. На всякий случай Томми вернулся туда, откуда пришел: к центральному входу.

– Эй, парни, хватит на сегодня! Гасим сигареты и расходимся по домам! – крикнул он, шаря впереди себя фонариком.

Но никто не отозвался. Длинная увесистая балка преградила Томми путь. По балке пробиралась крупная крыса, до него донеслись звуки, напоминавшие сбивчивое дыхание.

– Фу, гадость! А ну быстро вылезайте! Хватит шутить: или выходите сами, или я вас вытащу за шиворот собственными руками и отвезу к шерифу!

Впереди что-то шевельнулось, но луч фонарика был слишком слаб и терялся во мраке. Томми сделал еще несколько шагов. До него донесся слабый звук, который шел откуда-то с другой стороны. Слева темнело несколько бревен. Клац, клац, клац...

– Какого черта?..

Томми продвинулся еще немного и напряг зрение. Какая-то темная масса отделилась от черноты и неуклюже двигалась ему навстречу. У него мелькнула мысль, что это мальчишка, к тому же пьяный: в его движениях было нечто странное, да и шел он не пойми куда.

– Патрик? Это ты? Честно говоря, не смешно.

Фигура ускорила шаг. Она двигалась быстро, размахивая руками и делая широкие шаги. Внезапно Томми испугался, что у него не выдержит сердце. Движущийся навстречу темный силуэт не мог принадлежать никому из мальчишек, он и человеком-то, скорее всего, не был. С бешено колотящимся сердцем Томми отступил назад и направил фонарик на фигуру, которая остановилась на полпути. Точно: сердце не выдержит.

– Привет, приятель.

Томми вскрикнул и повалился навзничь. Острая боль вонзилась в подреберье, смертельный ужас сковал все его тело.

Перед ним стояла гигантская марионетка.

– Что за тупая шутка!

Существо снова зашагало, высоко поднимая острые колени и одновременно делая махи руками. Томми пополз наружу, не сводя глаз с нелепой штуковины: ее тело покрывало черное одеяние, голова смахивала на котелок. Запавшие глаза были едва различимы, а тонкие нарисованные усики придавали физиономии глумливый вид.

– Пошел вон! Убирайся! Кто ты такой? Не подходи ко мне!

Томми кое-как поднялся с земли, выронил фонарик и побежал в сторону площадки, посыпанной гравием, однако лязгающий звук преследовал его по пятам.

– Я догоню тебя, Томми! – проговорила штуковина низким гнусавым голосом.

Клац, клац, клац... Томми обернулся. Марионетка двигалась все быстрее. Руки ходили туда-сюда, точно поршни: чем короче становилось расстояние между куклой и Томми, тем более размашисто они двигались.

– Ради всего святого! Что за фигня?

Томми задышался. Он оглянулся еще раз, оступился и покатился вниз по склону холма. Теперь он был на лесной опушке, в стороне от лесопилки. Ногу свела судорога. «Только бы сердце выдержало», – думал он, заползая в неподвижную тень деревьев. С другой стороны дороги донесся голос Элен, что-то бубнившей в рацию, но он не разобрал ни слова. Клацанье приближалось, дьявольская марионетка хихикала противным сумасшедшим голосом.

– Эй, Томми! А вот я тебя догоню, дружок! Иди ко мне, подергай за веревочки, станцуй со мной хулу!

Клац, клац, клац... Клац, клац, клац... Гнусавый голос умолк. Томми затаился между двумя поваленными стволами. Он видел, как марионетка топчется посреди подъездной дороги, растопылив руки и приносясь. Ее пальцы неустанно шевелились, тонкие кривые ноги будто бы пританцовывали.

– Иди-ка сюда, Томми, я тебя выпотрошу... Эй, Томми, а Томми? – выкрикивало существо. Оно сосредоточенно нюхало воздух и от этого выглядело еще более

жутко. – Дружочек, а дружочек, иди ко мне!

Томми закрыл глаза. Нащупал пистолет, неслышно достал его из кобуры и навел на темневшую впереди стену. Но существо куда-то исчезло.

– Где ты, сукин сын? – чуть слышно прошептал Томми. Нога болела все сильнее. Он пощупал штанину: она была мокрая от крови.

– Что бы тебя подрал, гадина ты эдакая... Нет, этого просто не может быть. Это чья-то чертова шутка.

– Томми! Знаешь, что я с тобой сделаю? Сдеру с тебя кожу – ме-е-едленно, полосочку за полосочкой!

Гнусавый голосишка донесся ближе. Сердце Томми готово было выскочить из груди и покатиться под гору. А тут еще проклятая дрожь в руках. Он поднял пистолет выше, прислонился спиной к дереву и прицелился в пустоту – туда, откуда доносился противный голос. Но чертова марионетка не подавала признаков жизни. Стояла мертвая тишина. И вдруг где-то совсем рядом листья зашуршали, и из кустов прямо перед носом у Томми высунулась улыбающаяся рожа.

– А вот и мы! – рявкнула она и захохотала. – Давай, иди к папочке...

7

– Ты слышал? – Джим обернулся в сторону улицы, вынул изо рта недокуренную сигарету и всмотрелся в ночную тьму.

– Что?

– Станный звук. Как будто...

– Салют или петарды, – пожал плечами доктор Фостер, затворяя за собой дверь бара. – Если не войдем внутрь, замерзнем насмерть.

Роберт повернулся в направлении, которое указывал Джим, но ничего не услышал.

– Я ничего не слышу. Думаю, Алан прав: где-то устроили праздник. Входи, Джим, я проголодался как собака. Попросим Лоретту, пусть приготовит по-быстрому что-нибудь сытное, а то живот сводит.

Они заняли столик подальше от двери. Джим заметил, что по вечерам в будние дни жители Пойнт-Спирита не слишком любили выходить из домов, и не удивился, не обнаружив в заведении ни единого посетителя. Лоретта скучала за стойкой. Ее соломенно-русые волос были уложены по моде восьмидесятых в подражание Бонни Тайлер, а глаза густо подведены. Яркий макияж придавал ей вульгарный вид. Бледно-розовые бриджи и рубашка с блестками не делали его более изысканным. Но Лоретту это не волновало. Джим понял это в тот день, когда она вручила ему ключи от дома. Тогда она явилась с живописным начесом на голове, в фиолетовых тенях и зеленом платье «вырви глаз». Ему даже приблизительно не удалось определить ее возраст. Со временем Джим прикинул, что Лоретта старше его как минимум лет на пятнадцать.

– Добрый вечер! – каркнула она из-за прилавка своим низким голосом. – Ваше преподобие... доктор... писатель... О, да у нас прямо собрание перспективных холостяков! Жаль, что вы не предупредили меня заранее. Я бы пригласила всех незамужних девушек города, – она зашлась хриплым хохотом и поправила лямку лифчика.

– Обожаю твои шуточки, Лоретта.

– Спасибо, ваше преподобие. Эх, будь я на двадцать лет моложе!

На стене в глубине бара красовалась пара натюрмортов, в точности таких, как у Джима в гостиной. Несколько мгновений он их рассматривал, затем повернулся к Роберту и Алану. Взял меню и, усевшись поудобнее, принялся внимательно изучать ламинированную карточку, где перечислялись блюда, которые можно было заказать на ужин. Ничего выдающегося: бутерброды, комплексные обеды, салаты и несколько разновидностей пирогов.

– Рад знакомству, Джим, – приветствовал его доктор. – Роберт мне про вас рассказывал, но у меня не было возможности познакомиться с вами лично.

Глаза доктора покраснели от усталости, он был заметно встревожен. Ничего удивительного, учитывая, что он был близким другом семьи Морелли. И все же в нем чувствовалось нечто большее, какое-то затаенное напряжение, как будто внешнее поведение было всего лишь верхушкой айсберга.

– Жаль, что я прибыл в ваш город в такое непростое время. Похоже, я принес Пойнт-Спириту одни несчастья.

Роберт улыбнулся, потер пальцами глаза и положил руки на стол.

– Глупости, – отозвался Алан. – Мы столько лет жили безбедно. Черная полоса не может тянуться вечно. Даже Роберт, который провел здесь всю жизнь, не припомнит две такие трагедии подряд. Обе нанесли нашему городу глубокую рану. Юная девушка, едва распустившийся цветок. Да и Лоррейн – кто бы мог такое вообразить? Когда подобное случается, люди спрашивают себя, нет ли в этом их вины. Надеюсь, вы меня понимаете.

– Ты появился в этих местах задолго до меня, не так ли? – спросил Роберт; Алан кивнул. – Не замечал ничего необычного?

– Что ты имеешь в виду?

– Не знаю. Чего-то такого, что не вписывается в привычные рамки.

Виляя бедрами, подошла Лоретта. Достала из кармана рубашки шариковую ручку, сложила вдвое блокнот и обворожительно улыбнулась.

– Ну, что-нибудь выбрали? В комплексе номер четыре неплохие бифштексы, а картофельное пюре свежее, домашнее, я сама его делаю.

– Да, давайте комплекс номер четыре, – откликнулся Джим.

Остальные тоже согласно закивали. Посовещавшись, заказали несколько кружек пива и дождались, пока Лоретта удалится на кухню.

– Честно сказать, не совсем понимаю, куда ты клонишь, Роберт, – продолжил доктор. – Нет, я ни разу не видел ничего, что не вмещалось бы в рамки обыденного. А почему ты спрашиваешь?

Джим покосился на Роберта, и тот опустил глаза. На его лице мелькнуло выражение тревоги и страха.

– Ладно, – произнес он наконец. – Расскажу кое-что. Но умоляю, не смейтесь и оставьте при себе рассуждения о здравом смысле. Не так-то просто решиться на откровения, и очень бы не хотелось, чтобы люди приняли меня за параноика.

– Договорились. Но, пока ты не расскажешь, вряд ли мы что-то сможем обсуждать.

И Роберт рассказал историю о самоубийстве, которую несколько часов назад поведал Джиму у него в хижине. Чем дальше он рассказывал, тем более удивленной и обескураженной становилась физиономия Алана, пока на ней наконец не обозначилось искреннее беспокойство. Пастор умолк, и некоторое время трое мужчин сидели молча, размышляя об услышанном. Джим думал о Лоррейн, висящей под потолком напротив зеркала с тюбиком губной помады в окоченевших пальцах. Эта сцена не выходила у него из головы, она преследовала его. Может, стоило бы изложить ее письменно, подумал он, но почувствовал себя циником и отказался от этой идеи.

– Что ж, Роберт, – проговорил Алан упавшим голосом, – раз уж мы про такое заговорили, могу и я рассказать кое-что. В тот вечер я отправился навестить Мэри и Элизабет. Вряд ли это как-то связано с Лоррейн, но, честно говоря, не знаю, что и думать. Помнишь припадок, который случился с Мэри у гроба Пенни?

– Да, когда она крикнула сестрам, чтобы они не давали кому-то приблизиться к девочке. Что она не позволит забрать у нее единственную дочь... Ты это имеешь в виду?

Алан вкратце пересказал то, что услышал от Амелии и ее сестры Карлоты. Несколько секунд он сомневался, стоит ли описывать сцену в комнате Мэри Энн,

но общаться с пастором имело смысл только искренне, иначе нечего было упоминать эту дикую историю. Возможно, совместно с Робертом и писателем они могли бы докопаться до правды.

– Ну и дела, – пробормотал изумленный Джим. – Мягко говоря, шокирующий рассказ. А ты уверен, что эти женщины не увлекаются спиритизмом и прочими чудачествами?

– Это исключено. Я знаю их много лет, это очень разумные женщины; кроме того, начало истории уходит еще в те времена, когда погиб Виктор. Почему они мне не рассказывали про это раньше? Ведь я живу по соседству и провожу в их обществе много времени. Они знают, что, если что-нибудь понадобится, ко мне всегда можно обратиться за помощью.

– И мне они ничего не говорили, – сообщил Роберт. – Притом что большинство людей в подобных случаях прежде всего ищут поддержку церкви.

Лоретта, цокая каблуками, принесла поднос с тарелками. Затем включила телевизор и уселась на табурет.

– Надеюсь, мой сериал вам не помешает? Не успела посмотреть вчера вечером и не записала, – объясняла она.

Джим улыбнулся.

– Ты у себя дома, – ответил он. – Имеешь право делать что хочешь.

– А вы мои гости, – Лоретта за словом в карман не лезла. – Если надумаете переехать в Пойнт-Спирит, уступлю вам это заведение за самую что ни на есть привлекательную цену, и тогда уже вы будете его хозяином.

Джим отметил, что это неплохая идея. Но в следующее мгновение на экране замелькали титры, и Лоретта погрузилась в сериал.

– Джим, а что ты про все это думаешь? Понимаю, что нехорошо спрашивать в лоб, но ты приехал издалека, почти ничего тут не знаешь, и твоя точка зрения может быть наиболее объективной.

Роберт и Алан выжидающе уставились на Джима. Тот пожал плечами. Он не сталкивался с подобными явлениями, но как писателю ему все это чрезвычайно любопытно. В этот миг решение было принято окончательно: он уничтожит все двадцать страниц своего творения и начнет другое, новое, в котором опишет упомянутые события, которых скопилось уже немало. Он заметил, что пастор и Алан смотрят на него выжидающе, и без аппетита доел свое пюре.

– Я не верю в привидения, – произнес он наконец. – Точнее, ни разу в своей жизни их не встречал. С другой стороны, ты утверждаешь, что сестры не из тех, кто выдумывает страшные истории, им было стыдно в этом признаться. Может, им действительно что-то померешилось, и ты как врач сможешь объяснить эти виде?ния какой-нибудь теорией о бессознательном. Очевидно одно: что-то их напугало. Я считаю, что первым делом мы должны обследовать дом. По крайней мере это хоть как-то успокоит людей, которые в нем живут. Дом старый, деревянный, неудивительно, что по ночам в нем появляются всякие звуки.

– Именно, – отозвался Алан. – Именно так я и думал, пока в комнате Мэри со мной не произошло то, о чем я вам рассказал. Понятия не имею, как это объяснить. Ни разу в жизни ни с чем подобным не сталкивался. И все же как человек – не как врач, а в первую очередь как человек – я уверен: там что-то было. Не знаю, в чем дело: откуда взялись эти колебания воздуха, эти сквозняки... Не могу объяснить... Но главное, шепот.

– Черт возьми, еще и шепот, – нахмурился Джим. – Пожалуй, это самое странное.

– То есть ты хочешь сказать, – начал пастор, – что мы найдем рациональное объяснение и причина галлюцинаций исчезнет?

– Я в этом уверен. Осмотрим чердак. Очень может быть, там обнаружится полчище крыс или мышей, которые бегают по всему дому, проникая сквозь мельчайшие отверстия. Вот тебе и шаги по ночам. А может, прячется старый паровой котел, это объяснит порывы ветра, которые проносятся по старым воздуховодам...

– Но они говорят о каком-то человеке, Джим, – перебил Алан. – О человеке, которого Элизабет встретила в саду. Это мужчина из плоти и крови. А тень над кроватью Пенни? Склоняюсь к тому, что речь идет о массовой галлюцинации. В первом случае ее причина – смерть Виктора, во втором – Пенни. Ужаснее всего

то, что бедные женщины не спят по ночам. Бессонница со временем еще более все осложнит. Посттравматический стресс сам по себе может вызвать галлюцинации, и не только слуховые. Паранойю никто не отменял.

– Вы вроде бы собирались зайти утром к сестрам Морелли, выразить соболезнования, – напомнил Роберт. – Если что, могу составить вам компанию. А Алан заглянет одновременно с нами, но вроде как сам по себе. Так будет выглядеть более естественно. У Карлоты непростой характер, вряд ли ей понравится, что кто-то сочтет ее историю плодом галлюцинации.

– Мне кажется, что это неплохая идея, – согласился Алан. – Я мог бы зайти часов в пять.

– Итак, решено. Завтра отправимся к ним все вместе и послушаем, что они скажут, – заключил Роберт. – Я тоже неплохо знаю сестер и уверен, что, если подойти к делу деликатно, они согласятся на сотрудничество.

После ужина все простились возле кафе, и каждый зашагал в свою сторону. Минут через пять Алан нагнал Джима, однако по дороге они почти не разговаривали: каждый думал о завтрашней встрече у Морелли. Доктор пожелал доброй ночи и повернул в свою сторону, а Джим все еще думал об услышанном, а заодно о том, не позвонить ли своему литературному агенту, чтобы тот навел справки о прошлом Пойнт-Спирита. А что если написать книгу о тайнах этого городка, основываясь на реальной истории? Джим взвешивал все детали, и чем дальше уходил он от центра, тем интереснее и ярче представлялась ему будущая книга. Поглощенный раздумьями, он машинально посмотрел на часы: было уже больше одиннадцати. Тьма вокруг сгустилась. Он уже шагал по дорожке, ведущей к калитке, как вдруг увидел фигуру, прислонившуюся к металлической ограде. Завидев его, фигура выпрямилась. В сумерках Джим различил джинсы, кроссовки и какой-то сверток в руке. Подойдя поближе, он с удивлением узнал Элизабет Морелли, поджидавшую его возле дома. На девушке было вязаное пальто, такое пушистое, что ноги ее выглядели совсем тонкими. Поверх каштановых волос красовалась зеленая шерстяная шапочка с помпоном. Элизабет с невинным видом протянула ему руку, и Джим машинально ее пожал.

– Простите, мистер Аллен, я знаю, что уже поздно. Но мама сказала, что вы – автор «Катрины», и я принесла вам книжку, чтобы вы подписали.

Удивленный как самим фактом визита, так и выбранным для него часом, Джим неподвижно глядел на протянутый ему экземпляр «Катрины и волшебного ключа».

– Да уж, так поздно я никого не ждал. Ты ведь та самая Элизабет, верно?

Девушка кивнула. Ее белоснежная кожа контрастировала с розовым ротиком, а глаза были большие, ясные.

– Понимаю, что поздно. Но я уже несколько раз к вам заходила и звонила в дверь. Я подумала, что вы отправились куда-то поужинать, и вернулась через пятнадцать минут.

У него сжалось сердце, а в ушах отчетливо прозвучал голос его литературного агента: «Старайся не выглядеть извращенцем».

– Значит, ты уже пятнадцать минут здесь стоишь?

– Мне не холодно, – улыбнулась девушка.

Джима переполняли сомнения. Что делать: действительно подписать книжку глухой ночью на ледяном ветру в скупом свете лампочки, облепленной дохлым мухами, или отправить девчонку восвояси?

– А не слишком ли поздно для прогулок? Мама знает, где ты?..

Джиму показалось, что Элизабет покраснела. Ему стало жаль девушку. Он открыл калитку и пригласил ее в дом.

– Маме нездоровится, а тетушки легли пораньше. Хотя Амелия знает, что я пошла к вам подписать книгу.

– Ну и отлично. Проходи. Надо согреться. «Старайся не выглядеть извращенцем, – повторял он себе. – Извращенцем... Извращенцем...» Между прочим, я как раз завтра утром собирался навестить твою семью, – сказал он, отпирая дверь дома. – Раньше было неудобно. Но я ваш сосед, и мне хотелось бы принести соболезнования твоей маме и тетям. Входи, не стесняйся. Могу

приготовить тебе горячий шоколад и растопить камин.

– Было бы замечательно, – сказала она, снимая шапочку. – Спасибо, мистер Аллен. Эту книжку мне подарил папа, когда я была маленькая. Он ее привез из поездки. А я убиралась недавно и ее нашла. Я знала, что у меня есть книжка про Катрину, но не знала точно, где она. Мне бы очень хотелось, чтобы вы ее подписали.

– Конечно, с удовольствием, – ответил Джим, направляясь на кухню. – Ты добавляешь сахар?

Заваривая шоколад и подкладывая в камин дрова, он осторожно рассматривал девушку. Элизабет не поднимала глаз и даже не взглянула на интерьер домика. Она сидела неподвижно, держа на коленях книжку. «Воспитанная девушка», – подумал Джим. Печальная и немного рассеянная. Скорее всего, это из-за того, что произошло в их доме. Склонившись перед камином, он видел краем глаза, как она шевельнулась и сняла наконец ужасное пальто, в котором пришла. Теперь на ней оставалась лишь тонкая розовая блузка с длинным рукавом. Малышка наверняка продрогла до костей, ожидая его возле дома. Джим вновь ощутил щемящее чувство жалости.

– Посмотрим, что там у тебя за книжка, – произнес он, присаживаясь рядом. – Похоже, одно из первых изданий. Вышла в 2002 году, тринадцать лет назад. Похоже, ты с ней бережно обращалась.

– Папа говорил, что книжки нужно беречь. Он их привозил мне в подарок.

Несколько секунд Джим размышлял, что бы такое написать Элизабет на память. Первое, что пришло в голову: «Самой красивой девушки в Пойнт-Спирите» – такая надпись ей бы точно польстила. Но в следующий миг он передумал. Взял со стола ручку и написал: «Самой нежной и очаровательной девушке. С огромной симпатией». Похоже, Элизабет осталась довольна.

Она улыбнулась. Провела пальцами по свежим буквам и вздохнула с облегчением.

– Принесу тебе твой шоколад. Да и себе заодно.

Вернувшись, он поставил на стол две чашки и перебрался к камину, чтобы подложить газеты и взбодрить огонь. Если не поддерживать в доме тепло, внутри становилось сыро и холодно. На расстоянии ему показалось, что Элизабет дрожит. Его внимание привлекло ее лицо: в отличие от матери и тетюшек, у нее были каштановые волосы и зеленые глаза, которые она, скорее всего, унаследовала от отца. Девушка протянула руку, взяла шоколад и сделала большой глоток.

– Как вкусно, мистер Аллен! Вы очень добры. Спасибо.

– Не за что. Можешь называть меня Джим... Расскажи, как ты поживаешь? Наверняка все еще не ходишь в школу, верно?

– Да, я уже несколько недель пропускаю занятия. Учителя решили, что меня лучше освободить от учебы, у меня с ней все в порядке. Иногда повторяю пройденные темы, когда нечем больше заняться. Ну и... по математике отстала, но совсем чуть-чуть. Доктор Фостер мне иногда помогает.

– Это хорошо. Алан отличный парень. Как раз сегодня я ужинал с ним и с пастором. Оба очень симпатичные люди.

Элизабет едва заметно улыбнулась. Щеки у нее разругались, завитки волос свободно спадали на плечи. Когда она поднимала глаза, Джим немного терялся. И не потому, что девушка была хорошенькая и к тому же смелая. Это еще полбеды. Куда сильнее действовал на него образ, который Элизабет в нем пробуждала. Дело в том, что она в точности напоминала рисунок углем, который один его приятель из Сан-Франциско сделал много лет назад в качестве иллюстрации для книжек про Катрину. Сходство было просто потрясающее.

– Ты – вылитая Катрина, – машинально заметил он и тут же раскаялся в своих словах. Однако девушка несколько не расстроилась, услышав такое сравнение. Наоборот, обрадовалась. Уставилась на него и даже поставила чашку на стол. – Да, представь себе.

– Серьезно? Потому-то папа и купил мне эту книгу! Но я бы никогда не осмелилась в этом себе признаться. Очень приятно, что автор сам так считает. Я очень-очень тронута.

Джим тоже был тронут... Он мигом вообразил Элизабет на пороге церкви, как в книжке, – в белом платье, с узкой красной ленточкой вокруг головы.

– Да, случаются совпадения. Пей-ка шоколад, пока не остыл.

«Если немедленно не выпьешь сок, он потеряет все свои полезные свойства» – так говорила Джиму мать. Эта фраза заставила его почувствовать себя стариком, и он уныло склонился над чашкой. «Извращенец, извращенец, извращенец», – твердил у него в голове голос Ларри.

– А для взрослых вы напишете книгу? – спросила Элизабет.

Вопрос застал Джима врасплох. Он любовался языками пламени, все еще размышляя про Ларри. Девушка смотрела на него с любопытством. Внезапно в голову ему пришла идея, которую он бы никогда не решился озвучить в других обстоятельствах, но сейчас она казалась не лишенной смысла и, возможно, кое-что помогла бы прояснить. Он снял очки и потер переносицу. Несколько секунд обдумывал ответ.

– Мы, писатели, не очень-то любим болтать о своих планах, – произнес он. Элизабет пожала плечами. Джим улыбнулся. – Но тебе я открою секрет. Если ты пообещаешь никому про него не рассказывать. Возможно, когда-нибудь мне даже понадобится твоя помощь. Кстати, обращай ко мне на «ты».

– Можно?

Он кивнул.

– Так вот. Хочу написать роман про небольшой провинциальный городок и связанную с ним страшную тайну, – продолжал он. – Может быть, это будет призрак или что-то в этом роде. Ничего кровавого, я не собираюсь писать об убийствах. Но тут, в Пойнт-Спирите я ощутил атмосферу тайны, которую долго искал. Как тебе такая идея?

– Мне кажется, это будет хорошая книга, – сказала Элизабет, убирая завиток со лба. Затем поставила чашку на стол и спросила: – А вы уже начали?

– Пока собираю материал, – ответил он. – Это тоже часть творческого процесса. Ты ведь сохранишь мою тайну?

Девочка строго посмотрела ему в глаза.

– Не беспокойтесь, – ответила она. – Я никому не скажу. Знаете... Однажды я видела призрак и не испугалась.

«Touche», – произнес Джим про себя.

– Не может быть, – он сделал вид, что не верит.

– Правда-правда. Всего на несколько секунд. Я даже не уверена, был ли это действительно призрак.

Некоторое время Джим молча ее рассматривал. Казалось, Элизабет размышляла над собственными словами. Она сложила руки на коленях и выпрямилась, неподвижно глядя на стол. Затем подняла голову и продолжила:

– Даже не знаю, с чего начать. Я сидела за домом на качелях и вдруг увидела мужчину: он стоял, прислонившись спиной к ограде в дальнем конце нашего участка. Мои тетушки очень ухаживают за садом, и у нас полно цветов, всяких лилий и прочих растений. Этот человек словно завис над ними, не касаясь, и его силуэт был будто бы размыт. Он был красивый, – добавила она, – и молодой. Но одежда на нем была странная, какая-то несовременная: такие костюмы с жилетками носили раньше. А внизу – белая рубашка.

– Ты с ним разговаривала?

– Нет, только смотрела. Потом он стал виден более отчетливо, но тут меня окликнула тетушка, точнее, какие-то голоса раздались возле дома, а когда снова повернулась, его уже не было. А можно еще шоколада?

– Конечно, – ответил Джим, вставая. Через несколько минут он вернулся в гостиную с полными чашками и сахарницей и поставил их на обеденный стол. – Очень интересная история. И похоже, ты действительно не испугалась.

– Нет, честное слово, – воскликнула она. – Не знаю, как это объяснить, но, когда я его увидела, внутри меня словно кто-то шепнул, чтобы я не пугалась, потому что он не хочет обидеть меня и все такое... На самом деле кто угодно бы испугался, увидев человека, висящего в воздухе над цветами, но вышло по-другому. Я чувствовала, что не должна бояться. Потом я все рассказала моим тетюшкам, но они не поверили. Только Карлота посмотрела на меня как-то странно, а потом ушла к себе в кухню. Вот и все. Тетушки не верят в призраков. Маме я решила ничего не говорить, потому что подумала, что это не обязательно, к тому же она не очень хорошо себя чувствует.

– Да, понимаю.

Элизабет поспешно допила шоколад и посмотрела на часы.

– Помню только, что выглядел он печальным. А потом исчез. – Она надела пальто и шапку и взяла книжку. – А сейчас мне пора домой. Ты был очень любезен... Джим.

– Рад с тобой познакомиться. Хочешь, я отвезу тебя?

– Нет, спасибо, я хочу вернуться пешком. Тетушки уже спят, и шум мотора их разбудит. Я добежу. Отсюда это всего через полторы улицы, я не замерзну. – Она улыбнулась.

Джим поднялся и подошел к двери.

– Тогда до завтра, дорогая Элизабет. Я очень рад нашему знакомству, честное слово.

– До завтра, Джим. Спасибо за все.

Он видел, как она поспешно удаляется в сторону ограды, открывает скрипучую калитку, аккуратно прикрывает ее за собой и бежит вниз по улице. Вскоре он улегся в постель. Только когда девушка ушла, он почувствовал, как сильно устал. В следующую минуту он уже крепко спал. Ему снилась женщина, висящая на балке под потолком. Женщина без лица, с зажатым в кулаке золотистым тюбиком губной помады. Стоя поодаль, он с ужасом и болезненным

любопытством смотрел на едва заметно покачивающееся тело. Перед женщиной стоял старинное трюмо: семь ящиков с ручками в форме раковины и зеркало. Слова «привет», написанного на поверхности зеркала, он не увидел. Пол толстым слоем покрывала пыль, как будто в течение многих лет в доме никто не жил. Он встал на колени, уперся руками в пол. Брюки испачкались, но он не обращал внимания. Поверх слоя пыли он вывел указательным пальцем: «И ТЕБЕ ПРИВЕТ».

8

Африканские маргаритки зацветали весной. Они росли в самом живописном уголке сада, над которым днями напролет самоотверженно трудилась тетушка Карлота, добиваясь от лилий на клумбах максимальной красоты. Завершали буйство растительности ивы – невысокие деревья с шарообразными кронами, которые приобрели в Пойнт-Спирите большую популярность благодаря тому, что придавали композиции изящество и очарование. Когда Элизабет, окруженная этим сказочным пейзажем, качалась на качелях, она чувствовала себя Алисой в Стране чудес. Но сейчас, приближаясь к дому, она размышляла о другом. На самом деле она солгала, объясняя, что тетушки в курсе ее ночного визита. Однако другого выхода не было, и теперь ее будто бы окутывала целая паутина опасений и тревог. Джим Аллен был невероятно привлекательный мужчина! Да, он намного старше ее, зато у него моложавое лицо, высокие скулы, чудесные, немного растрепанные матово-блестящие черные волосы и умные глаза. Но больше всего поражал Элизабет в этом человеке не интеллект, свойственный всем начитанным и образованным людям, а небрежное отношение к собственной известности, о которой при общении он попросту забывал – по крайней мере именно так казалось со стороны. Джим не задумывался о том, насколько он привлекателен для обыкновенных людей, которые его окружали.

Внезапно ее охватила эйфория, неистовый восторг, свойственный юным девушкам, которых очаровал культурный и образованный взрослый мужчина. Выйдя за порог его дома, Элизабет не избавилась от этого чувства и мечтала только о том, как бы увидеть его вновь. Ей хотелось говорить с ним о книгах, о чудесном городе Сан-Франциско, где она мечтала побывать, о его стремлении творить, изучать, познавать. Ей хотелось рассказать ему обо всех книгах, которые хранились в их домашней библиотеке, а может быть, даже показать ему эти книги.

Все эти мысли, желания, ощущения толпились у нее в голове, когда она вошла в дом и, стараясь ступать как можно тише, поднялась наверх. Если проснутся мама и тетки, ее ждут неприятности, да и беспокоить их не хотелось. Она неслышно прошла по коридору и на цыпочках вошла в комнату. Медленно закрывая за собой дверь, оглянулась: коридор и лестницу окутывал сумрак. Ни единого звука, ни единого движения воздуха не достигало ее ушей. Когда же она наконец оказалась под защитой своего крошечного святилища, осторожность сменилась выбросом энергии. Она скинула с себя шапочку и кроссовки, поспешно разделась, надела ночную рубашку и нырнула под одеяло.

– Сожалею, что тебе наврала, – прошептала она: завтра Джим должен был явиться к ним в дом, и ее невинной лжи грозило разоблачение. – Но я так хотела с тобой познакомиться, а это был единственный способ.

Элизабет закрыла глаза, но сон не шел. Она возбужденно ворочалась с боку на бок, вспоминая Джима. Все ее существо было переполнено его обворожительной улыбкой. Несколько мгновений она припоминала, как растерянно выглядел Джим, обнаружив ее около своего дома. Не удержалась и захихикала. Лицо у Джима Аллена было выразительное – возможно, он сам не догадывался, до какой степени. Она поняла это в тот миг, когда увидела его в ночном сумраке. И потом, позже, – как жадно и преданно он на нее смотрел! А потом сказал, что она похожа на Катрину.

«Покажу ему письмо», – размышляла Элизабет. Это письмо они с Пенни нашли прошлой весной на чердаке и решили никому не показывать. Это была их тайна. Пожелтевший, ветхий листок бумаги она хранила в шкатулке, обтянутой изнутри бархатом, в тайнике с двойным дном и ни разу не перечитывала; у нее было ощущение, что это послание, эта очаровательная эпистола, каким-то непостижимым образом связано с призраком – в том случае если речь шла только об одном призраке, а не о нескольких. По крайней мере оно принадлежало людям, которые жили в их доме еще до того, как отец его купил. Она вспомнила красивый почерк, ровный наклон букв, элегантные завитушки, украшавшие это признание в любви, такое искреннее и возвышенное. А еще – страх...

Тот, Кто Шепчет. Так назвала его мать в тот день, когда хоронили сестру. Но Элизабет ничего не поняла. Она не знала, что означают эти слова. И не могла объяснить смертельный ужас, застывший в глазах матери, когда она их

произнесла. Да, что-то случилось много лет назад, когда Пенни была еще младенцем, а ее, Элизабет, мать отводила в школу за ручку. Вернувшись в обед, Элизабет обнаружила, что тетушки чем-то встревожены. Кроватку Пенни вынесли из комнаты и поставили в гостиной, и по какой-то необъяснимой причине ни одна из сестер, включая мать, не отходили от нее ни на шаг. Элизабет было четыре года, и в тот день ее маленький разум не отметил ничего необычного. Тетушка Карлота объяснила, что комнаты наверху проветриваются и сквозняки могут навредить здоровью младенца. Позже, годы спустя, она вспомнила тот эпизод, который видела глазами маленькой наивной девочки, и ей стало ясно: тетки и мать что-то от нее скрывали. И сейчас, будучи почти уже взрослой шестнадцатилетней девушкой, она признавала: в то далекое апрельское утро что-то напугало ее семью, напугало до такой степени, что они боялись отойти от сестренки. Может, это был он – человек в безупречном костюме-тройке с волнистыми волосами? Но... если это был он, что плохого мог сделать юноша с печальными глазами? Или же в доме было что-то еще и это что-то напугало ее семью?

Несмотря на все эти мысли, страшно Элизабет не было. Лицо человека, которого она видела в саду, было серьезным и сосредоточенным. А глаза – печальными. И все же она так и не решилась рассказать про него матери и теткам. Она не могла признаться, что в те краткие секунды, в продолжение которых рассматривала человека, ее переполняли тревога и беспокойство. Даже Джиму она не сказала, по крайней мере в их первую встречу, что созерцание высокого изящного силуэта наполнило ее предчувствием, что очень скоро что-то произойдет, случится что-то ужасное и никто не сможет этому помешать. И все же – почему он явился именно к ней?

«Да, я видела человека в саду и он был похож на призрак, – размышляла Элизабет. – Но глаза его выражали печаль, отчаяние... и что-то еще. А потом он так странно улыбнулся, как будто что-то замышлял. От таких улыбочек мороз идет по коже. Сразу ясно: жди беды. Двусмысленность сбивает с толку, заставляет тебя сомневаться».

– Тот, Кто Шепчет... – прошептала она. Занавески тихонько качнулись в ответ, но она не заметила. – Скажи, кто ты?

И, произнеся эти слова, она уснула, думая о своей сестре.

Ночную тишину уснувшего города наполняли таинственные звуки. Если напрячь слух, можно было уловить множество едва различимых шумов, доносившихся из каждого уголка. Где-то вдали, окутанный облаком пыли, автомобиль несся по сельскому шоссе, соединявшему Пойнт-Спирит с Брайдел-Вейлом. Брэди Роуз мурлыкал себе под нос, подпевая песенке, доносящейся из радио. Изо рта у него торчал косяк, скрученный собственными руками. Патрик Грант, сидевший за рулем, мысленно перебирал варианты отмазок, которые имелись у него про запас на тот случай, если отец внезапно обнаружит, что единственный отпрыск не собирается поступать в этом году в университет.

Тяжелый осенний туман сползал по горному склону и заволакивал окрестности. А Патрик размышлял о причинах своего упорного нежелания заниматься чем-либо, связанным с учебой. В Принстон ему неохота, в Гарварде тусуются одни задроты в галстуках, а Йель и Стэнфорд прислали краткое, но вежливое письмо, в котором его благодарили за проявленный интерес, а в последнем абзаце пнули под зад. Разумеется, во всем этом Патрик видел знак судьбы, указывающий на то, что ему стоит выбрать какую-то иную жизнь, а не ту, которую задумали для него родители. Мать всю дорогу твердила, что Портлендский университет не так уж плох, к тому же, учась там, ребенок будет поближе к дому. Патрик был парнем ленивым и не привыкшим к серьезным усилиям, тем не менее такая идея была ему не по душе. Ему хотелось чего-то покруче. Не тратить же на учебу еще пять лет жизни! С другой стороны, не хочется становиться таким, как мать, которая вкалывала в своем магазине на полторы ставки, чтобы обеспечить сносную жизнь семейству из трех человек, а заодно и вторую ипотеку за дом – виной всему была папина страстишка к игре и его собственное чрезмерное увлечение игровыми автоматами.

– Да ладно тебе, Патрик. Ты же не собираешься застревать в этом чертовом городишке на всю жизнь, – проворчал Брэди, не отрывая глаз от несущейся навстречу дороги, и протянул приятелю косяк. – Как и все мы. Довольно тупо с твоей стороны, чувак, отказываться от Портленда. В первый год яйца от учебы слегка попотеют. Заодно будешь продавать сэндвичи. Ну да, а чего такого-то? Зато уедешь отсюда.

Патрик лениво повернул голову и выгнул брови.

– Можно подумать, ты знаешь, что делать с жизнью...

Брэди повернулся, сунул руку под сиденье и достал банку пива. Шумно ее откупорил, залив пивом джинсы, но это нисколько его не расстроило.

– Неблагодарный ты чувак, – пробормотал он.

– Неблагодарный? – Патрик расхохотался. – Ну ты даешь! И чего ты все время используешь такие тупые словечки? Это ж надо! Какого черта вообще означает это твое – «неблагодарный»?

– Короче, неблагодарный чувак, – спокойно продолжал Брэди, – я и правда хочу свалить из этого городишки. Хотя бы на время. Может, на год. А потом, глядишь, и вернусь весь такой – на красной спортивной машинке, с офигенной работой. Твоя проблема в том, чувак, что ты влюбился в эту твою Суси, а ей до университета еще целый год. А прикинь такой вариант: ты отказываешься от Портленда, а Суси про это узнает и посылает тебя куда подальше.

Слова Брэди внезапно вызвали в Патрике приступ необъяснимой паники. Он поднял глаза и всмотрелся в темноту ночи. Не произнес ни слова, глубоко затянулся гашишным дымком, нажал на газ и в два счета оказался у поворота дороги, окружавшей холм, на котором располагалась лесопилка.

– Не могу понять, – прошептал Брэди, – почему бы тебе не подумать о себе, приятель.

– Не беспокойся, чувак. Я о себе целыми днями думаю. Но у нас с тобой разные обстоятельства. Я не про Суси, а про кучу всего, что свалится на мою мать, если мне не дадут эту чертову стипендию. Ты хороший студент, и папаша у тебя не гребаный транжира и не игровой маньяк. К тому же у тебя этот чертов талант к живописи, а это само по себе открывает перед тобой кучу дверей. А я? Так, дерьма кусок.

Патрик задумчиво уставился на извилистую полосу шоссе и на далекие огоньки, мерцавшие в той стороне, где притаился Пойнт-Спирит. Его охватило глубочайшее уныние. Он понимал, что Суси вряд ли останется с ним на всю жизнь: все хорошее рано или поздно кончается. Сколько раз он про это думал? Наверное, слишком много. Иногда, запершись в комнате и не включая свет, он

спрашивал себя, может ли юношеская любовь испортить всю оставшуюся жизнь, может ли человек продолжать жить после того, как ему разбили сердце или если он видит, что отношения неизбежно подходят к концу. Для Суси разрыв был бы вполне естественным делом и означал бы свободу, но для него это был бездонный темный колодец.

– Тупо все это, – хмыкнул Брэди и отхлебнул пиво. – Давай смотри на дорогу, неблагодарный чувак, а то впишемся в дерево. Способность к живописи у меня есть, но это не означает, что в итоге я не превращусь в уличного мазила, который рисует шаржи за пару долларов. Гарантий никаких.

Он нажал на кнопку радио и поменял канал.

– Оставь то, что играло, Брэди, – буркнул Патрик: его выводила из себя противная манера Брэди не дослушивать песню целиком. – Мне нравилось то, что было.

– Неблагодарный... – насмешливо буркнул Брэди. – Включи дальний свет, не видно ни шиша.

Радио изрыгнуло серию неопределенных потрескиваний, и салон старенького «Шевроле» заполнил странный женский голос: «На каменной дороге танцует принцесса. В праздничном платье танцует принцесса. У нее чудесный гребень из мелких жемчужин. На каменной дороге танцует принцесса».

Услышав эту нелепую песенку, парни переглянулись и расхохотались.

– Что за фигня? – воскликнул Брэди. – Прямо как моя сестренка Роуз на школьной перемене.

– Убери это дерьмо, чувак.

Брэди нажимал на кнопки, но нежный голосок упорно бубнил одно и то же: «На каменной дороге танцует принцесса...»

– Держи косяк покрепче, чувак.

– Брэди, блин, смени радиостанцию!

«У нее чудесный гребень из мелких жемчужин», – не умолкало радио.

Патрик оторвал взгляд от шоссе и принялся сам лихорадочно жать все кнопки подряд в уверенности, что приятель ненароком сломал отцовское радио, но необычная ситуация его забавляла. Внезапно он вскинул голову: какая-то темная фигура откуда ни возьмись появилась посреди дороги и, покачиваясь, понеслась им навстречу.

– Патрик! – крикнул Брэди, но приятель крутанул руль влево.

– Чертово дерьмо! Это же Томми! Но, блин, какого черта?..

Машина угодила колесом в канаву, затем подпрыгнула и стремглав понеслась по лесу. Патрик ударил по тормозам, но машина не слушалась.

– Господи! – завопил он.

– Блин, Патрик, здесь же деревья! Тормози, идиот! Тормози!

– Тормоза не работают!

– Придурок! Мы сейчас...

Это было последнее, что Патрик услышал. Голос друга затерялся где-то в дальних уголках его сознания: «Шевроле» врезался в дерево, взвыл и закрутил вхолостую колесами, уничтожая все на своем пути, пока наконец не застрял в одном из ущелий и не застыл мордой вниз.

Облачко пыли поднималось над рощей, а радио по-прежнему напевало: «На каменной дороге танцует принцесса. В праздничном платье танцует принцесса. У нее чудесный гребень из мелких жемчужин... Привет, чуваки!»

Она потуже затянула пояс, чтобы ледяной ночной воздух не заползал под пальто. Надела перчатки, повязала шарф и вышла из дома. Как только она оказалась за дверью, в лицо ей ударил порыв ветра. Амелии хотелось, чтобы температура хотя бы немного повысилась, даже если при этом начнется снегопад. Никогда не привыкнет она к такому суровому климату, к этим зимним ночам, когда сырость и холод пробирают до костей. Она любила снег, однако дождь вызывал в ней необъяснимое уныние, иной раз даже меланхолию. Она посмотрела на тучи, которые сейчас, в эту ночную пору, стремительно неслись, закрывая собой небо. Ей хотелось увидеть звезды. Шагая по улице, она думала о своей племяннице Элизабет. Как ужасно, что ничего нельзя сделать. В этом заключалась та часть ее обязанностей тетушки, которую она ненавидела: как бы она ни старалась, как бы ни хлопотала день за днем, рано или поздно возникали ситуации, которые она не могла контролировать, не могла разрулить с той поспешностью, какую все от нее ждали. Пытаясь утешить младшую сестру после гибели мужа, она понимала, что это и есть горькая правда жизни, с которой невозможно смириться.

«Тот, Кто Шепчет», – вспомнила Амелия. В какой-то миг у нее закружилась голова: ей показалось, что на противоположной стороне улицы стоит какой-то человек.

Она шла по обледенелому тротуару, и мучительные мысли постепенно отступали. По пути ей встречались затянутые льдом лужицы. Несколько раз приходилось замедлить шаг, чтобы не поскользнуться на плитках и не упасть. За спиной слышались торопливые шаги, она обернулась, чтобы увидеть, кому они принадлежат. Но улица была пуста. В такую холодную ночь люди старались поменьше выходить из дома, а огоньки фонарей были слишком слабы, чтобы разглядеть дальний конец бульвара. Амелия продолжила путь, пока шаги не слышались совсем близко, так что пришлось посторониться. К ней приближался какой-то человек в наброшенном на голову капюшоне. Амелия испугалась и попятилась.

Человек остановился и скинул капюшон.

– Боже, Роберт... Чуть до смерти не напугал! В темноте я подумала, что это привидение. Что ты здесь делаешь?

– Просто решил пройтись. Ты же знаешь, со мной такое случается. Да и тебе, вижу, не сидится дома. Куда путь держишь?

Амелия почувствовала, как забилося сердце, и глубоко вздохнула. В обществе пастора она всегда немного терялась.

– Так, вышла прогуляться. Сестра наконец уснула, а Карлота с племянницей смотрят кино по телевизору. Хотела подышать свежим воздухом...

Роберт одарил ее обворожительной улыбкой и потупился, словно чего-то недоговаривая.

– Скажи... Не согласишься ли ты со мной поужинать? Просто так, это тебя ни к чему не обязывает. Уже поздно, но вдруг ты захочешь сделать глоточек вина и поболтать.

Лицо у Амелии вспыхнуло, как от пощечины. К счастью, было темно, и пастор ничего не заметил. Кожу на щеках будто бы жгли раскаленные угли. Румянец, который она всю жизнь ненавидела, предательски разливался по всему телу. Она так и не привыкла краснеть.

– Ох... не знаю, дорогой Роберт... Я до сих пор не оправилась от испуга, – соврала она. – А впрочем, согласна. Спасибо за приглашение.

– Правда? Отлично! Обожаю готовить. Иной раз это единственный способ обратить ближнего в свою веру. Готовлю исключительно для других, – улыбнулся пастор.

Он махнул рукой, приглашая следовать за собой. Они пересекли темный бульвар и вскоре оказались возле его дома. Жилище пастора полностью соответствовало своему хозяину: классический особняк, отделанный светлой древесиной, под двускатной серой крышей. Сколько раз Амелия спрашивала себя, почему ей так любопытно рассматривать чужие дома, и всегда приходила к одному и тому же выводу: они много рассказывают о людях. Она неторопливо поднялась по ступенькам, рассматривая сад: аккуратно подстриженная живая изгородь, тусклые фонарики вдоль дорожки. Роберт шагал впереди. Он открыл дверь, отодвинул москитную сетку и пригласил ее внутрь. Гостиная также напомнила сад: уютная, прибранная. Кресла цвета охры, камин; вдоль стен – открытые

стеллажи, уставленные рядами книг... Стол с каменной столешницей, деревянные лестницы, перила, выкрашенные белой и серой краской. Очень милый дом.

Амелия сняла пальто, робко приблизилась к обеденному столу, круглому и просторному, и уселась на один из стульев. Роберт отправился в кухню проверить, не сгорело ли жаркое в духовке, и она наконец расслабилась и даже успокоилась. Этот гигант со смуглым лицом и светлыми глазами покорила ее сердце. Она любовалась гостиной, а в голове шевелился привычный уже вопрос: как могло случиться, что такой человек, как Роберт, до сих пор не женат? Подумав об этом, она снова покраснела. От нее не укрылось, что Роберт украдкой на нее посматривает. Она предлагала помощь в приготовлении ужина, но он отказался. Налил немного вина и разжег камин, чтобы тепло проникло в каждый уголок его дома.

Двигаясь ловко и бесшумно, Роберт накрывал стол, и через несколько минут все было готово.

– Подумать только: жаркое в духовке, пробежки по улицам, порядок в доме. Ты – завидная партия, – пошутила Амелия, прихлебывая вино из бокала. – Странно, что такой мужчина, как ты, не женат и даже ни с кем не встречается. Между прочим, у тебя чудесный дом.

Пастор вскинул брови, от чего глаза его сделались огромными.

– То же самое я мог бы спросить о тебе, дорогая Амелия. Но ответа на твой вопрос у меня нет. Скорее всего, просто потому, что я так и не встретил подходящего человека. К тому же современным девушкам со мной скучно.

Амелия улыбнулась и смущенно покашляла. Он смотрел на нее пристально, не мигая: от этого взгляда ей делалось неуютно.

– Не смейся. Я серьезно. Так что ты скажешь про себя?

– Пожалуй, я тоже пока не встретила правильного человека. – Она пожевала кусочек мяса, и на ее лице отразилось удивление. – Ого, Роберт, да ты действительно превосходно готовишь. Очень вкусно!

– Думаю, твоя жизнь изменилась за эти годы. Ты поглощена сестрами и племянницей. Иной раз у человека не остается времени для себя самого...

– Сложно выбирать между долгом и личной жизнью. Мне от многого пришлось отказаться, когда я решила заботиться о сестре и племянницах... Да, ты прав... я почти не думала о себе... – она посмотрела на пастора с благодарностью и улыбнулась. – А тебе не приходило в голову уехать из Пойнт-Спирита?

– Еще бы. Много раз. Когда-то я занимался наукой, которая занимала все мое время, а здесь я лишен этой возможности. Но уехать непросто. Существуют узы, которые привязывают меня к этому месту.

Амелия осушила бокал. Все, пить она больше не будет. Ей и так хорошо. Сколько времени прошло с тех пор, как мужчина последний раз угощал ее ужином, приготовленным собственными руками? Часто ли кто-то расспрашивал ее о себе самой? Однако напиваться не следовало, тем более она давно не пила, поэтому было рискованно.

– Человек привыкает к одиночеству, – продолжал Роберт. – С партнером всегда сложнее. Думаю, ты со мной согласишься. Твоя жизнь принадлежит только тебе, ты все делаешь, когда захочешь, никто не роется в ящике с носками, где ты навела порядок...

– Верно, – Амелия улыбнулась, но в следующей миг снова стала серьезной. – Отец часто говорил, что одиночество – состояние настолько комфортное, что все происходящее вокруг беспокоит человека гораздо меньше. Любовь делает нас уязвимыми. Думаю, ты меня понимаешь. Жить в одном доме с другом или братом – совсем не то, что жить вместе с супругом. Супружество порождает связь иного рода, а заодно и зависимость. С другой стороны, если ты одинок, кое-что дается сложнее.

– Например, сходить в кино?

Амелия рассмеялась.

– Да, сходить в кино.

Повисла тишина, которая ни ему, ни ей не казалась напряженной. Роберт вытер губы салфеткой, соединил пальцы рук и поставил локти на стол.

– Ты сильная женщина, Амелия, и занята благородным делом, помогая сестрам.

– Не льсти, – улыбнулась она.

Роберт с невинным видом пожал плечами.

– Разве это лесть? Я всегда считал, что в житейских перипетиях вы, женщины, гораздо выносливее нас, мужчин. Да, мы сильнее физически: крупнее, грубее... Допустим, я могу поднять автомобиль одной рукой, но как только речь идет о переживаниях... – он умолк, подбирая слова. – Вы, женщины, мудрее и решительнее.

Амелия отодвинула тарелку и задумчиво разглядывала белую вышивку на скатерти.

– Ты очень добр к нам, Роберт. Ты всегда нам помогаешь, так же как и Алан. Мы тебе очень благодарны.

– Какие пустяки. Не нужно никаких благодарностей.

Амелия вспомнила, как впервые увидела пастора в церкви. Звучание его голоса показалось ей тихим, несмелым, но самое главное – искренним. Роберта никто не перебивал, даже если ответ его был неточен или же он сам признавался, что не знает ответа. А у Амелии в голове вечно вертелась одна незатейливая мысль: стоящий на кафедре Роберт Маркусо казался божеством.

Роберт вышел из-за стола. Через мгновение он вернулся, неся на подносе фрукты и кусочки мандаринового торта.

– Ради сестры ты оставила Сан-Франциско, преподавание, всю свою обустроенную жизнь. Неслыханная щедрость. Но со временем тебе все же придется подумать о себе самой.

Амелия аккуратно положила ложечку на край фарфорового блюдца и подняла глаза на Роберта. Тот смотрел на нее своим мягким, добрым взглядом, но на лице его явно читалось, что ей необходимо задуматься над этой фразой.

– Ты прав, но это непросто. Есть вещи, которые я не могу оставить прямо сейчас.

Пастор кивнул. Казалось, он уловил ее неуверенность и беспокойство. Он покачал головой и взял Амелию за руку, словно желая вернуть в реальный мир.

– Со временем все встанет на свои места. Проблема в том, что все происходит слишком быстро. У тебя прелестная племянница, и сейчас очень важно, чтобы Мэри Энн нашла в себе хотя бы немного внутреннего света и выбралась из колодца. Все прочее устроится само собой. Ты молодая, красивая.

Рука Роберта все еще лежала на ее руке. Подумав об этом, Амелия ощутила легкий озноб и осторожно высвободила руку.

– Хочешь кофе?

– Спасибо... Я... Надо отправить сообщение Карлоте, не хочу, чтобы она беспокоилась. Я пообещала, что скоро вернусь.

Она посмотрела на часы: нет еще и одиннадцати. В доме у пастора было уютно, ей хотелось, чтобы вечер продлился чуточку дольше. Роберт откинулся на спинку стула и вдруг протянул руку и несмело провел пальцами по ее волосам. Этот ласковый жест напомнил ей об отце: легкая, беглая ласка близкого человека, желающего своим прикосновением сказать: «Все будет хорошо». Затем он вновь отправился на кухню, а она исподволь наблюдала, как он открывает дверцы и ящики, как с присущей ему спокойной уверенностью заряжает машину для варки кофе. Черные спортивные штаны и толстовка его молодили. Она не могла определить возраст Роберта, хотя точно знала, что старше его на год или два. В этом человеке ей нравилось все, но в первую очередь – смирение и терпение, которые предполагала его профессия. К тому же он был остроумен, что редко встречается в людях, настолько привлекательных внешне. Ей нравились его манеры, его ненавязчивый способ прикасаться к ней, отсутствие попыток вызвать ее на откровенность, а также скрытого желания, которое она обычно встречала у мужчин в определенные моменты, за ужином или беседой. Погрузившись в эти мысли, она почувствовала

себя занудой. А может, пора бы уже перестать беспрерывно анализировать поведение других людей? Она снова перевела взгляд в сторону кухни: опершись на черную гранитную столешницу, пастор распечатывал пакет с сахаром, собираясь высыпать его содержимое в фарфоровую сахарницу. Внезапная мысль вернула Амелию в реальность, и она поспешно отправила сообщение Карлоте, чтобы та не волновалась. Она старалась не замечать пробуждавшееся в ней желание. Когда же вновь посмотрела на Роберта, желание это сделалось почти нестерпимым. Ей хотелось его поцеловать. Она всегда об этом мечтала... Она повернулась к окну, и холодок пробежал у нее по коже. Она вновь ощутила чужое присутствие. Словно кто-то осторожно рассматривал ее с той стороны оконного стекла. «Это деревья», – успокаивал рассудок. Ветки ив, роняющие на окошко чуть заметные тени. Но уверенности в этом у нее не было.

Там, снаружи, что-то было, и это что-то было недобрым...

– Итак, мой вечерний забег не состоялся, но я этому только рад. Ты даже не представляешь, как я люблю поболтать...

Голос пастора вывел ее из задумчивости, она покраснела, как свекла. Снова этот проклятый жар в щеках! Кажется, Роберт тоже его заметил: ставя на стол поднос с кофейными чашками, он покосился на нее немного озадаченно.

– С тобой все в порядке?

Амелия глуповато улыбнулась и с преувеличенной поспешностью схватила одну из чашек.

«Нет, ничего не в порядке. Похоже, я влюбилась», – подумала она, но вслух произнесла:

– Я просто задумалась. Видишь ли... трудно принять все это, Роберт. Иногда мне кажется, что вот сейчас открою калитку, войду в сад, а там на качелях – Пенни.

– Это надо пережить, Амелия. Но ты обязательно справишься.

– Жаль, что испортила тебе пробежку. – Ей хотелось сменить тему. Она наклонилась к чашке и чуть не поперхнулась.

– Перестань, что за глупости? Я и пробежку-то еще толком не начал: так, прогуливался. Сперва разминаюсь, а потом уже перехожу на бег. К тому же мне нравится твоё общество.

– У тебя уютно... Так непривычно ужинать в обществе мужчины, – пробормотала Амелия. Румянец так и не сошел полностью с ее лица, хотя прошло много времени. Но в целом она чувствовала себя лучше. – С мужчинами даже во время ужина приходится защищаться. А мы с тобой так славнo болтаем...

Роберт усмехнулся и похлопал ее по плечу.

– Даже не знаю, стоит ли воспринимать это как комплимент.

– И я не знаю, – добавила она. – Но все именно так.

Она покосилась на внешнюю часть его руки. Ни намекa на растительность, ни единого волоска. Пастор делает себе эпиляцию? Почему-то эта нелепая мысль подействовала на нее так сильно, что от волнения у нее голова пошла кругом.

– К сожалению, утратил спортивную форму за столько лет, – произнес Роберт, ставя на стол недопитую чашку. – Ты, наверное, решишь, что я полоумный, но иногда мне кажется, что я родился не в свое время. Я ценю мелочи, жесты... Наблюдаю иной раз за тем, как общается друг с другом молодежь у нас в городе, и просто оторопь берет.

– Рассуждаешь, как старенький дедушка, – улыбнулась Амелия. – Сколько тебе лет? Мы так давно знакомы, а я до сих пор не знаю.

– Тридцать восемь. Да, я рано состарился, так получилось. Я оставил прежнюю профессию, чтобы стать пастором, потому что когда-то обещал своему деду. Я всего лишь хочу, чтобы мир менялся чуть медленнее, и если того же самого хотят старики, значит, ты угадала...

Он придал своему лицу страдальческое выражение.

– Какой же ты старик? – возмутилась Амелия. – Как тебе не стыдно! Я на год старше тебя... Алан говорил, что раньше ты изучал психологию. Тут мы с тобой в

некотором смысле совпадаем. Ты отверг уже состоявшуюся жизнь, выбрал другой путь. – Она улыбнулась. В один миг к ней вернулась уверенность в себе, которую она потеряла, перешагнув порог этого дома. – Ты славный парень, Роберт, и никакой не старик... – она погладила его по руке. – Ты всего лишь защищаешь принципы, которые много лет назад вышли из моды.

Амелия вздохнула и откинула за плечи свои длинные волосы. В кофте, надетой поверх платья, становилось жарковато. Она расстегнула верхнюю пуговицу и откинулась на спинку стула. Внезапно ей захотелось еще вина, но она взяла себя в руки и решительно встала.

– Уходишь?

– Завтра много дел. Помогу тебе вымыть посуду, и...

– Помогать совсем не обязательно, – отозвался Роберт. – Возвращайся домой и отдохни. Спасибо, что посидела со мной.

Она направилась к двери, но обернулась и чмокнула его в щеку. На мгновение она закрыла глаза: ей так хотелось остаться в этом доме. Роберт мягко отстранился и с улыбкой открыл входную дверь.

– Поцелуй от меня сестер и девочку.

Амелия кивнула и еще раз его поблагодарила. Затем надела пальто и вышла на улицу. Вскоре она уже шагала к дому. В душе она чувствовала пустоту. Она вспоминала, как впервые увидела Роберта, когда приехала в Пойнт-Спирит после смерти Виктора. Вспомнила ряды церковных скамеек, доходящих почти до клироса. Он сидел в первом ряду, напротив алтаря. Шагая по центральному проходу, она видела впереди широкую сгорбленную спину. Казалось, сидящий молится. Его локти упирались в колени, а переплетенные пальцы загораживали лицо. Заметив ее приближение, он выпрямился и посмотрел на нее своим мягким понимающим взглядом...

– Эта похоть сожрет тебя, детка...

Амелия обернулась. Бешено забилося сердце. Кто это сказал? Улица была пуста. От дома Роберта ее отделяло всего несколько метров, но что-то будто бы двигалось с ней рядом – что-то, чего видеть она не могла, но при этом ясно ощущала чужое присутствие.

– Напрасно терзаешься. У этого святоши куда больше тайных грешков, чем у тебя... – голос хихикнул. – Если бы ты только знала, что он хотел бы с тобой сделать, со всех ног понеслась бы назад и кинулась ему на шею... Тупая ты сучка.

– Кто ты? – крикнула она, и голос эхом отозвался у нее в голове.

– Огонь, пожирающий тебя изнутри... – снова хихикнул шепот.

Она сделала шаг назад, споткнулась о бордюр и плюхнулась задом на мостовую. До нее донесся странный порыв ветра: ледяной, но в то же время обжигающий сквозняк дохнул ей в лицо, заплясал вокруг тела, просочился между ног.

– Ну же, Амелия?

– Дождь, – пробормотала она, теряя сознание. – Слишком сильный дождь...

\* \* \*

Открыв глаза, она обнаружила себя в гостиной преподобного Роберта. На лбу у нее лежало что-то вроде влажной марли. Роберт с кем-то разговаривал по телефону.

– Не беспокойся, – донеслось до нее. – Как только дождь утихнет, отвезу ее домой. Она ушиблась. Конечно, я что-нибудь ей дам, не может же она возвращаться в таком виде.

Ее густые волосы рассыпались по диванным подушкам цвета охры. Она потрогала виски: голова болела нестерпимо. Она не могла вспомнить, что с ней произошло. А впрочем...

– Роберт, ты здесь?

Преподобный нажал отбой и поспешно вернулся в гостиную.

– Уф, перепугала меня до смерти. Ты упала возле дома и ударилась головой о мостовую. К счастью, я как раз вышел вынести мусор. Ты... ты лежала на тротуаре, раскинув руки и ноги. Господи...

Амелия не знала, плакать ей или смеяться.

– Этот голос... – пробормотала она. – Как ты сказал? Раскинув руки и ноги?

Роберт присел на диван. Убрал с ее лба прядь волос, запутавшуюся в мокрой марле.

– Представь себе. Даже не знаю, какими словами описать, как это выглядело. Боже, до чего ты меня напугала. Должно быть, поскользнулась на льду. Я позвонил твоей сестре, предупредил, чтобы не волновалась. Отвезу тебя домой, тебе пока не стоит самой передвигаться.

«Раскинувшись»... Это слово очень не понравилось Амелии. Она приподнялась на локте. Платье было мятым, мокрым, подол перепачкан грязью.

– Тебе надо снять эту одежду. Принесу тебе что-нибудь переодеться.

– Ох, Роберт...

Она говорила шепотом. Его преподобие взбежал по лестнице, перескакивая через ступеньку, и вряд ли слышал ее слова. Перед глазами Амелии стояла безобразная сцена: ее тело лежит на тротуаре, распластавшись в форме морской звезды. Ей хотелось расхохотаться, но боль в голове и в боку сделалась такой сильной, что она застонала. Похоже, и вправду крепко приложилась.

– Думаю, это тебе подойдет, – слышалось на лестнице.

Роберт спустился в гостиную и разложил на столе спортивные штаны, рубашку и свитер с высоким воротом. Амелия заподозрила, что ее нижнее белье тоже

промокло насквозь, как и все остальное, в чем вскоре и убедилась, усевшись на диване и одернув задрывшуюся юбку.

– А может, горячий душ? – пробормотал пастор, напрасно стараясь выглядеть серьезным. – Прости, Амелия... Но ты сейчас...

– Ужасно выгляжу? – Она поспешно сняла с волос несколько прилипших листьев, марля шлепнулась на пол с противным мокрым звуком. – Боже, да я вся мокрая! В грязи с ног до головы. Не представляю, как это могло случиться. Страшно представить, в каком виде ты меня подобрал. Стыдобища...

Она вздохнула и опустила глаза.

– Да, и вымокла, ну и что? – заметил Роберт. – Ничего другого не могу тебе предложить, к сожалению... – Похоже, теперь и он чувствовал всю нелепость ситуации. – Пойду поищу что-нибудь, чтобы надеть вниз. В конце коридора ванная, можешь принять душ. Полотенце я принесу.

– Какой кошмар, – Амелия увидела собственное отражение в одном из окон гостиной и окончательно пала духом. – Я похожа на мокрую крысу!

Почему-то это восклицание вызвало у Роберта приступ безудержного веселья. Он захохотал, как будто нервное напряжение разом оставило его и ситуация разрешилась.

– Буду тебе очень благодарна, – сказала Амелия. – Не надевать же штаны на голое тело. Понимаю, ты не из тех мужчин, которые хранят у себя в шкафу забытое девушками белье, но что-нибудь у тебя найдется.

– Да, выражаешься ты с редкостной прямоотой, – подметил Роберт. – Пойду принесу полотенце и поищу что-нибудь подходящее. Мне жаль, Амелия... Прости меня за этот смех. Когда я нашел тебя на тротуаре, у меня от страха чуть инфаркт не случился, но сейчас я вижу, что ты в порядке и все это выглядит даже по-своему забавным.

– Раскинувшись...

– Типа того, – пастор не выдержал и опять улыбнулся. – Ничто не укрылось от дерзкого взгляда.

– Господи...

11

Он вышел на улицу вынести мусор, когда машина пастора затормозила у ворот перед домом. Запахнул махровый халат, чтобы уберечься от холода, и замедлил шаг. Пастор приоткрыл окошко со стороны пассажирского сиденья и поздоровался.

– Не слишком ли поздний час для прогулок, а, Дэнни?

Он всегда беспокоился за этого мальчика, особенно когда узнал про драки на перемене, оскорбления на детской площадке и регулярные визиты в отделение неотложной хирургической помощи, пока мальчик не научился давать сдачи. Со временем Дэнни как будто привык, и многое ушло в прошлое: страх идти в школу, беспокойства о том, что скажут одноклассники, если он не запишется в бейсбольную команду. Иногда он заходил в церковь и присаживался на последний ряд. Никто из прихожан не обращал внимания на двенадцатилетнего мальчика. Люди были слишком озабочены тем, чтобы Бог исполнил их очередное несбыточное желание, чтобы заметить сгорбленную фигурку, которая, открыв рот, внимала проповеди преподобного Роберта, а также чудесным историям, которые пастор заимствовал из Библии и пересказывал своим мягким спокойным голосом. Изредка Дэнни и пастор ели мороженое в кофейне «Коконут», что крайне не понравилось матери Дэнни, когда она об этом узнала. Не зря она то и дело твердила, что вся эта церковная чепуха – молитвы, слезы, раскаяние – всего лишь старомодные глупости. Ее почему-то раздражал веселый и оптимистичный Роберт Маркусо, и Дэнни так и не добился от нее, что именно ее беспокоило. Что-то, конечно же, было... Но он про это не знал.

– Привет, Роберт. Я только на секунду, вынести мусор.

– Одевайся теплее, Дэнни, – посоветовал пастор. – Сейчас холодно, простудишься. Я провожаю Амелию Морелли. Дорога – сплошной каток.

Мальчик улыбнулся. Пастор умел поднять ему настроение несколькими самыми простыми словами. Иногда Дэнни испытывал сильнейшее желание побеседовать с ним наедине, рассказать про все свои страхи и потаенные желания. Мальчик понимал, что только с этим человеком может поговорить обо всем, что пастор его поймет, потому что заботится о слабых и уязвимых – а именно таков Дэнни. Он чувствовал себя одиноким, очень одиноким, и главное – слабым.

– Спасибо, преподобный Роберт. Спокойной ночи, – сказал мальчик и помахал рукой.

Роберт дождался, пока Дэнни скроется в доме и закроет за собой дверь, и, немного успокоившись, продолжил путь. Дэнни проследил, как удаляются габаритные огни внедорожника. Только когда они исчезли в тумане, клубившемся над дорогой, он наконец поднялся к себе в комнату. Мать смотрела кабельное телевидение, по которому шел один из ее любимых сериалов, а отец дремал в кресле с газетой на груди, уронив недокуренную сигарету в пепельницу, откуда поднимались клубы дыма.

– Привет, солнышко.

– Добрый вечер, мама, – отозвался мальчик.

Картина красовалась перед ним на стене, подвешенная на затейливый зеленый крючок. Простая сосновая рама обошлась матери всего в четыре доллара. Все по-прежнему: у четвертой овечки видны лишь задние ноги, белье сушится на веревке. Крошечное окошко с едва различимым пятнышком в центре. Ясное синее небо над горами и зеленой лужайкой.

Дэнни посидел на краешке кровати, рассматривая картину. Этот пейзаж непостижимым образом притягивал его внимание, очаровывая и одновременно пугая. На мгновение ему показалось, что белье на веревке качнулось. Овечки не шевелились, но облака, нарисованные легкими, почти прозрачными мазками, явно плыли по небу.

– Неужели опять? – прошептал мальчик. Он готов был поклясться, что ему в лицо дохнул ветер: потоки воздуха, напитанные ароматом цветущей лаванды. Что-то коснулось его лица, он перевел взгляд: его дрожащие пальцы осторожно сжимали стебелек растения. Синеватые колючки ясно вырисовывались на фоне белого махрового халата. Дэнни замер. – Как это может быть...

Медленно поднялся, держа травинку в руках. В лицо дохнуло полуденным жаром, изображение на картине начало стремительно меняться. Теперь там был человек. Он стоял возле каменного домика. Человек в черной шляпе и пальто. С неподвижными, будто мертвыми глазами.

«Нет, этого не может быть. Это невозможно. Невозможно. Невозможно», – мысленно произнес Дэнни.

Он повторил это про себя раз, другой, медленно пятясь к кровати и не в силах оторвать глаз от человека, который по мере приближения Дэнни становился все больше, все объемнее. Оказавшись на кровати, мальчик сначала прижался к изголовью, затем перескочил через него, теряя голову от страха. Ему хотелось кричать, звать родителей, но он был не в силах даже шевельнуться, произнести слово или хотя бы заплакать. Охваченный паникой, он слышал, как деревянная рама трещит и бьется о стену. Уголок комнаты, доступный его взгляду, качнулся и поплыл. Он зажмурил глаза в то самое мгновение, когда лампочки в люстре под потолком замигали и одна за другой погасли и комната погрузилась во мрак. Мальчик поглубже вдохнул, проглотил слюну пересохшим ртом. Он попытался издать какой-нибудь звук, но горло не слушалось. Тело ему больше не подчинялось.

«Боже, сделай так, чтобы он ушел. Не дай ему схватить меня. Не дай ему ко мне прикоснуться», – мысленно взмолился Дэнни.

Он открыл глаза: это была единственная часть тела, которую он все еще мог контролировать. Человек в шляпе и длинном пальто стоял перед ним. Желтоватый свет уличных фонарей отбрасывал ему на лицо причудливые тени. Человек смотрел на Дэнни. И тут все переменялось. Тело Дэнни двинулось вперед. словно невидимые сильные руки переставляли его босые ступни, направляя в сторону изножья кровати, человека, картины – в самую преисподнюю.

«Он меня убьет!» – вскрикнуло сознание.

Дэнни почудилось, что рот зашит рыболовной леской. Это ощущение вызвало приступ тошноты. Он лежал на кровати лицом вверх, раскинув руки, словно его собирались распять. Неведомое существо смотрело на него, склонившись над кроватью в нелепой и неуклюжей позе. У Дэнни заныло в животе, но физическую боль невозможно было сравнить с приступом панического ужаса, от которого в какой-то миг стиснуло грудь, так что мальчик начал задыхаться. Глаза существа были выразительны и огромны. Злодейски изогнутая линия рта поползла в обе стороны: существо улыбнулось.

«Боже, помоги!» – хотел закричать Дэнни.

Свистящий шелест заполнил комнату. Что-то ударило мальчика по лицу. Голос матери, далекий, едва различимый, коснулся его сознания.

– Твоя боль... за мою боль... – проговорило существо низким, хриплым голосом. – Привет... Дэнни...

И настала тьма.

12

Не было и одиннадцати утра, а Джим Аллен уже трижды переговорил со своим литературным агентом, дважды – с друзьями из Сан-Франциско, а заодно отправил несколько деловых писем. Целый час изучал высланную Ларри информацию. Очки раскалились от жара, выходящего из камина. Чем больше подробностей поступало к нему из большого города, тем сильнее росло вдохновение. Ларри позвонил рано утром и выложил все, что удалось узнать, хотя ему по-прежнему оставался неясен внезапный интерес Джима к старой лесопилке и крошечному городишке. В 1898 году лесопилка была куплена филиалом деревообрабатывающей компании Мори. Собственник компании, некто Тобиас Мори, состоятельный француз, привлеченный в Пойнт-Спирит развитием железной дороги и ресурсами, которые скрывал в себе холм, закупил машины и сырье, чтобы запустить производство. Он переоборудовал всю лесопилку, возведя два больших фабричных здания, а также много мелких построек, представлявших собой что-то вроде домиков для рабочих. Роскошью там и не пахло, это были хибары с крошечным палисадником, все на одно лицо,

но достаточно привлекательные и уютные, чтобы большинство обитателей Пойнт-Спирита страстно возжелали принять участие в этом проекте.

– К 1900 году Тобиас Мори подписал несколько контрактов на аренду лесных участков и нанял работников, которые в первые же дни обшарили весь лес, оставляя на деревьях метки. Поначалу жители не знали, что все это означает. Но вскоре стало известно, что это бригады, которые проводят размежевание, чтобы в скором будущем проложить узкоколейку и связать лесопилку с остальным миром. У этого человека были хорошие отношения с нужными людьми из правительства. Все это сулило ему большую прибыль, да и Пойнт-Спирит нуждался в рабочих местах, не говоря уже об упомянутых домиках.

По словам Ларри, в развитии грандиозного проекта имелась всего одна проблема. Кое-кто в городе был недоволен захватом территорий и всячески выражал свое несогласие, но после нескольких арестов и посадок недовольные испугались, и протест против вырубки деревьев заметно угас. Когда тело одного из бунтовщиков выловили из реки, в Пойнт-Спирите настала блаженная тишина. Отныне Тобиас Мори мог делать все что вздумается, лес начал кормить не только городок, который получал от этого прямую выгоду, но и его собственную компанию.

– Коротко говоря, город разделился на две части, – продолжал Ларри. – Для жителей, которые работали на компанию, Тобиас построил около дюжины деревянных домов, образовавших небольшие кварталы по четыре квадратных участка, соединенных улицами. Население выросло втрое. С некоторых пор Пойнт-Спирит представлял собой как бы два города: старый, который ты знаешь, и новый, состоящий из деревянных построек, который вырос у леса рядом с лесопилкой. Тобиас Мори привез из Франции семью: жену, двоих детей. Одного звали Люсьен, он был женат на девушке из хорошей семьи. Разумеется, их сопровождал целый штат прислуги и горничных, готовый позаботиться о том, чтобы хозяева ни в чем не нуждались, пока длится эксплуатация или арендный контракт. Вот и все, что я могу тебе рассказать.

– А что с ними стало? – спросил Джим.

– Тобиас умер от инфаркта в 1923 году. Двумя годами раньше умерла жена. Со смертью Тобиаса лесопилка пришла в упадок. Так закончилась эпопея, которую ты теперь знаешь. Когда-то вокруг главного здания располагалось несколько мастерских: гидropневматические машины, сушильные печи, циркулярные

пилы... Если не ошибаюсь, сейчас от них ничего не осталось.

– Сохранился двухэтажный цех. Кажется, там обрабатывали бревна, которые доставляли на мулах. Их распиливали на балки, доски, или черт его знает, что с ними делали. Хорошо бы что-нибудь почитать про это, Ларри. В общем, как я понял, данные об этой семье после 1923 года отсутствуют.

На противоположной стороне линии Ларри покашлял, переворачивая страницы.

– Точно, ни слова про них. Ничего начиная с 1923-го. Чем ты там занимаешься, а, Джим?

Но Джиму не хотелось пересказывать своему агенту события последних дней.

– Чистое любопытство. Городок очаровательный, вот я и решил разузнать, нельзя ли вытащить из его прошлого какую-нибудь захватывающую историю.

Последняя фраза прозвучала вполне убедительно: Ларри что-то промямлил в ответ и нажал отбой.

Остаток утра Джим читал и перечитывал электронные письма и сайты в Интернете. Он обнаружил еще кое-что, но в целом о семье Тобиаса Мори практически не было упоминаний. Пообедав наваристым супом из пакетика и телячьей отбивной, он прилег вздремнуть прямо в гостиной. Его разбудил звонок в дверь. Он взглянул на часы: половина пятого. Точно, они с пастором договаривались навестить сестер Морелли. Джим собрал бумаги, рассыпанные на столе и на полу. Ему пришло в голову, что не стоит посвящать кого-то в итоги расследования до тех пор, пока он сам не поймет, по какому пути двинется его работа – конечно, в том случае если среди этих завалов бумаги найдется хоть одна ниточка, которая приведет его к сюжету для книги.

За дверью Джим обнаружил антитезис обеспокоенного человека – так несколько дней назад он назвал про себя Роберта. Лучи солнца косо падали пастору на лицо, и синие глаза казались совсем светлыми, почти прозрачными. На нем были потертые джинсы и бордовый свитер с треугольным вырезом, из-под которого виднелся воротник черной шерстяной рубашки. Он снял перчатки и вошел в дом. Джим пожал протянутую руку и торопливо принялся собираться, опасаясь, что скоро начнет темнеть.

– Работал всю ночь? – поинтересовался пастор, оглядывая листы бумаги, предусмотрительно перевернутые тыльной стороной кверху.

– Скорее все утро. А у тебя отдохнувший вид.

Пастор поблагодарил Джима за комплимент и согласился на чашечку кофе, пока тот приводит себя в порядок. Через двадцать минут они направлялись в сторону трех сестер. Когда они вылезли из машины, в окошке первого этажа сразу увидели Мэри Энн, которая с кем-то разговаривала. Несложно было догадаться, что Алан Фостер уже на месте: рядом с Мэри Энн отчетливо различался краешек черного пальто. Большая часть сцены была скрыта, однако они заметили, что младшая сестра Морелли улыбается, и сделали вывод, что чувствует она себя лучше. В этот миг дверь открыла Амелия Морелли. Она так покраснела, что казалось, будто ее голова вот-вот взорвется от внутреннего давления – Джим ни разу не видел, чтобы за столь короткий срок человек становился таким пунцовым.

– Мистер Аллен, вы даже не представляете, как мы вам рады. Девочка тоже очень обрадуется. Она читала ваши книжки. Их когда-то подарил ей отец. Меня зовут Амелия...

Вежливо протянув Джиму руку, она шевельнула пальцами, чтобы скрыть, как они дрожат. Амелия была брюнетка, старавшаяся по возможности не показывать окружающим свою красоту. Однако в то утро она выглядела непривычно: в ярком платье по колено и вязаной кофточке была обворожительна. Она робко взглянула на пастора, и тот поцеловал ее в щеку.

– Привет, Роберт. Спасибо тебе за вчерашнее.

Джим покосился краем глаза на Роберта, но тот не обратил внимания, и оба последовали за Амелией в дом.

– Проходите в гостиную. Карлота сейчас приготовит кофе и чай, а Мэри Энн, как мне кажется, сегодня намного лучше.

– Хорошая новость, – кивнул Роберт: он снял пальто и повесил его на вешалку возле двери. – Как твоя голова?

Амелия улыбнулась и села напротив них.

– Нормально. Представляешь, Джим, упала вчера на улице прямо возле дома преподобного Роберта, и ему пришлось мне помогать. Я поскользнулась... на тротуаре.

– Мне очень жаль.

– Ничего страшного, – откликнулась она, перевела взгляд на Роберта и снова покраснела. – Потеряла равновесие... А заодно и уверенность в себе.

Интересно: Джиму только казалось или эта женщина действительно была от Роберта без ума?

В эту минуту Карлота Морелли внесла поднос, уставленный фарфоровыми чашками и блюдечками. Как всегда, сдержанная, чопорная: волосы, убранные в пучок, темное платье с глухим воротом, неизменные кургузые башмаки, придававшие ей старомодный вид.

– Наша Амелия развалилась прямо посреди города, мистер Аллен, – пояснила она: голос у нее был сухой, бесцветный. – Его преподобие обнаружил ее в неопишемом виде.

– Карлота, прошу тебя!

Бедняжка не знала куда деваться. Роберт улыбнулся.

– Неужели правда? – вмешался Джим.

– Да, мы немного понервничали, а потом долго смеялись. Ничего особенного, – добавил Роберт.

– Ну и хорошо, раз так, – подытожила Карлота. – Прошу вас, наливайте себе сами. Пирожные куплены в «Коконате». Я сама сходила за ними несколько часов назад. Свежее некуда. Большое спасибо, что вы нас навестили, мистер Аллен. Наша маленькая Элизабет так мечтала с вами познакомиться.

Внезапная догадка пронзила мозг Джима Аллена. «Что значит – познакомиться?! – мысленно воскликнул он. – Вот уж извращенец так извращенец».

Разумеется, Джим никогда бы не подумал, что маленькая Элизабет ему солгала, но ему пришлось допустить, что именно так все и было: он заметил, с каким смущенным видом спускалась девочка по лестнице с книгой в руке. Теперь это была не «Катрина и волшебный ключ», а «Катрина и заколдованный лес».

– А вот и она, – воскликнул Роберт.

Поравнявшись с Джимом, девушка замерла и проглотила слюну, но не произнесла ни слова.

– Рад познакомиться с тобой, Элизабет, – проговорил Джим. Глаза девушки блеснули, будто он произнес волшебные слова.

– Я тоже рада... – она уселась возле него.

– Он подпишет тебе книгу, Эли, – вмешалась Амелия. – А на полке у тебя наверняка есть и другие. Отец подарил тебе несколько таких книг. Когда мне сказали, что автор вот-вот посетит наш дом, я их искала, но, к сожалению, не нашла. Вы к нам надолго, мистер Аллен?

– Пожалуйста, говорите мне «ты», а не то я чувствую себя старым. Пока что снял у Лоретты домик на шесть месяцев. Понятия не имею, сколько времени займет у меня новая книга. А у вас чудесный дом. Похоже, вы сохранили это семейное гнездо в его первоначальном виде.

Карлота улыбнулась. Ей было всего сорок два, но выглядела она значительно старше. Дело было не только в одежде, но и в старомодных манерах, подчеркнутых отсутствием макияжа.

– Давайте все будем друг к другу на «ты», если никто не возражает, – улыбнулась она. – Мой шурин сохранил большую часть колониальной мебели, оставшейся от прежних хозяев. Обожаем старую мебель из древесного массива, а заодно персидские ковры. Летом москитные сетки над кроватями отпугивают

комаров, а все вместе придает дому первозданный вид, не правда ли?

Джим заметил, что вкус Карлоты напоминает его собственный. Элизабет не открывала рта. Она сидела так близко, что он чувствовал жар ее напряженного тела.

– Мы видели Алана наверху у Мэри Энн. Кстати, Мэри выглядит гораздо лучше, чем в последний раз, – заметил Роберт.

Карлота нахмурилась и посмотрела на побледневшую Амелию.

– Как вы сказали?

– Мы видели Алана в окне, когда подходили к дому.

Амелия резко встала.

– Что случилось? – Джим ничего не понимал.

Карлота взглянула поочередно на обоих мужчин и племянницу.

– Это... это невозможно. Алан не приходил к нам сегодня.

Собравшиеся замерли в полнейшем молчании. Наконец Карлота повернулась на каблуках, как заводная кукла, и направилась к лестнице, ведущей вверх, но Роберт ее остановил, крепко схватив за руку.

– Мы с Джимом пойдем первые. Амелия, побудь с девочкой в гостиной. И никуда отсюда не уходите.

– Что происходит? – захныкала Элизабет.

– Все в порядке, радость моя. – Джим поднялся и вслед за Робертом и Карлотой направился к лестнице, силясь представить, что их ждет наверху.

Длинный коридор устилала ковровая дорожка. Они шли гуськом: шествие замыкала Карлота Морелли, впереди шагал Роберт. Оба были уверены в том, что видели Алана наверху: они готовы были поклясться в этом. Внезапно на Джима дохнуло необычным жаром. Дверь в комнату Мэри Энн была приоткрыта и едва заметно вибрировала, словно ее покачивал сквозняк, струившийся одновременно в двух направлениях.

– Ничего не замечаешь? – шепотом обратился Джим к Роберту.

– Температура как будто повысилась. Карлота, стой здесь.

Пастор положил руку на ручку двери и осторожно нажал. Он увидел спину Мэри Энн, которая сидела на кровати и смотрела в окно. Но в следующую секунду реальность смешалась, становясь полнейшей нелепицей. Перед Мэри Энн, слегка склонившись над ней, стоял мужчина. Его темные глаза располагались на уровне ее плеча: они смотрели на сидящую пристально, неподвижно. Никакой жары в комнате не наблюдалось, наоборот, было холодно. Движение воздуха колыхнуло шторы. Человек выпрямился и окинул вошедших ледяным взглядом. Все это длилось секунду, однако каждая деталь происходящего врезалась в память Джима и Роберта, словно прошло несколько часов. Одежда незнакомца выглядела странно: она была несовременной. Темные волосы, высокие скулы – именно таким они запомнили его лицо, тонкое и одновременно зловещее. Мэри Энн по-прежнему сидела неподвижно. Лицо было чуть повернуто, нос отбрасывал глубокую тень. Человек улыбнулся: его улыбка плохо сочеталась со всей мизансценой. Дверь резко захлопнулась, ударив Роберта по лицу. Преподобный отшатнулся, толкнув стоявшего за его спиной Джима.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

День независимости США.

----

Купить: [https://tellnovel.com/ramos\\_malenka/tayna-doma-morelli](https://tellnovel.com/ramos_malenka/tayna-doma-morelli)

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)